

Дуглас Перри

ИЛЛЮЗИЯ ИСТИНЫ

Как антикультовая экспертиза
подменяет правосудие

Иллюзия истины. Как антикультовая экспертиза подменяет правосудие

Дуглас Перри

В книге сочетаются документальные фрагменты и художественная реконструкция. Там, где точные слова и действия участников неизвестны, сцены и диалоги воссозданы автором. Некоторые персонажи являются собирательными образами, отдельные детали изменены.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Мантия объективности

Глава 2. Томский прецедент

Глава 3. Генеалогия стигмы

Глава 4. Лица системы

Глава 5. Фабрикация научности

Глава 6. Правовой вакуум

Глава 7. Цена ярлыка

Глава 8. Эрозия институтов

Глава 9. Цивилизационный тупик

Источники

Пролог

К декабрю 2011 года Томск жил в привычной для Сибири зимней суровости, но напряжение, скопившееся в стенах Ленинского районного суда, имело совсем иное происхождение. В небольшом, тускло освещенном зале заседаний решалась судьба русскоязычного издания «Бхагавад-гита как она есть» — перевода и комментария А. Ч. Бхактиведанты Свами Прабхупады, одного из самых известных изданий этого индуистского текста. На столе перед судьей лежала книга. Рядом с ней — стопка скрепленных листов формата А4.

Именно эта стопка бумаги, озаглавленная как «Комплексное экспертное заключение», стала причиной беспрецедентного международного скандала.

Процесс в Томске начинался как рядовое слушание. Местная прокуратура, опираясь на предоставленный ей документ, потребовала признать русское издание «Бхагавад-гита как она есть» экстремистским материалом. Логика обвинения строилась не на фактах реальных правонарушений, не на свидетельствах пострадавших и не на данных криминальной хроники. Вся тяжесть государственной машины опиралась исключительно на текст экспертизы, подготовленной тремя сотрудниками местного университета. Логика обвинения строилась вокруг выводов экспертов о том, что в комментариях к тексту содержатся признаки возбуждения религиозной розни и унижения достоинства по признаку отношения к религии.

Если вдуматься в происходящее, ситуация и впрямь выглядела сюрреалистично. Светский суд провинциального российского города готовился дать юридическую оценку книге, которую миллионы людей считают священной. Однако формально предметом разбирательства были прежде всего перевод и комментарии к тексту «Бхагавад-гита». Для инициаторов дела теология была вторична; решающим был язык юридической квалификации.

Томский процесс высветил фундаментальный сдвиг в современной правовой реальности. Экспертное заключение — инструмент, изначально созданный для того, чтобы помогать суду разбираться в узкоспециальных вопросах (будь то баллистика,

трасология или финансовый аудит), — внезапно обрело статус непререкаемой истины в сфере идей и убеждений. Бумага с подписями и печатями стала обладать магическим свойством: она превращала частное, зачастую предвзятое мнение в юридический факт.

Когда новости о процессе вышли за пределы России, реакция действительно оказалась мгновенной. 19 декабря 2011 года заседание парламента Индии было сорвано и отложено после протестов депутатов, а у российского консульства прошли акции возмущения. Дипломатическим ведомствам двух стран пришлось срочно разъяснять, что спор идет о конкретном русскоязычном издании с комментариями, а не о запрете самой «Бхагавад-гиты» как священного текста индуизма.

Индийские политики и комментаторы задавали резонный вопрос: как возможно, что произведение, имеющее фундаментальное значение для индуистской традиции, оказалось в центре судебного процесса из-за выводов нескольких экспертов?

Ответ на этот вопрос лежал далеко за пределами Томска.

Документы, свидетельства участников событий и последующий анализ показали, что суд над книгой не был случайной инициативой чрезмерно бдительного регионального прокурора. Это была тщательно подготовленная операция, часть масштабной стратегии, реализуемой конкретной группой людей. За кулисами процесса проступали контуры разветвленной антикультовой сети, идеологическим центром которой в России выступал Александр Дворкин и возглавляемая им организация РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект).

Именно представители этой сети годами выстраивали систему, в которой ярлык «тоталитарная секта» или «деструктивный культ» мог быть приклеен к любой неугодной группе. Но одного ярлыка в публичном пространстве было недостаточно для запуска репрессивной машины государства. Требовался легальный переходник между общественным порицанием и уголовным преследованием. Этим переходником и стала псевдонаучная экспертиза.

Наблюдая за тем, как прокурор в Томске монотонно зачитывает выдержки из экспертного заключения, присутствующие в зале правозащитники и религиоведы понимали: на их глазах тестируется универсальное оружие. Если сегодня суд, опираясь

на сомнительную лингвистическую конструкцию, запретит древний эпос, завтра по той же схеме можно будет ликвидировать любую общественную организацию, закрыть любое издание, отправить за решетку любого человека, чьи взгляды не совпадают с мнением «экспертов».

Проблема заключалась в том, что судья, не обладая специальными познаниями в санскрите или индийской философии, был вынужден полагаться на предоставленный ему документ. В процессуальной логике экспертиза обладает колоссальным весом. Она создает иллюзию объективности. Текст, изобилующий сложными терминами, ссылками на методологии и наукообразными формулировками, гипнотизирует правоприменителя. Суд редко проверяет квалификацию эксперта за пределами формального наличия диплома и почти никогда не исследует его идеологическую ангажированность.

Именно в эту слепую зону правосудия и проникла антикультовая сеть.

Они поняли главное уязвимое место современной демократической и правовой системы: государство обязано реагировать на сигналы об угрозе общественной безопасности. Если убедить государство в том, что определенная группа людей представляет такую угрозу, силовые структуры сами выполнят всю грязную работу. Нужно лишь правильно оформить этот сигнал. Написать нужные слова на бланке нужного учреждения.

Томский процесс закончился победой здравого смысла — суд отклонил иск прокуратуры, не решившись пойти против международного давления и консолидированного мнения авторитетных ученых-востоковедов, выступивших в защиту книги. Но этот локальный провал не остановил создателей системы. Напротив, они извлекли уроки. Они поняли, что действовать нужно тише, выбирать мишени, за которые не вступится правительство ядерной державы, и тщательнее готовить экспертную базу.

В последующие годы эта технология была отточена до пугающего совершенства. От России до стран Европы, от локальных конфликтов вокруг имущества до масштабных кампаний по ликвидации целых конфессий — везде начал появляться один и тот же почерк. Сначала в медиа вбрасывается серия пугающих репортажей о «страшной секте».

Затем возбуждается уголовное или административное дело. И в решающий момент на столе следователя или судьи появляется оно — экспертное заключение, написанное людьми, прямо или косвенно связанными с антикультовым движением.

Глава 1. Мантия объективности

Тяжелые деревянные двери зала судебных заседаний отсекают уличный шум, создавая внутри пространство с совершенно иными законами физики и логики. Здесь время измеряется процессуальными сроками, а человеческая жизнь, репутация или свобода совести конвертируются в тома уголовных или гражданских дел. Судья, облаченный в черную мантию, возвышается над участниками процесса. Эта мантия символизирует отрешенность от человеческих страстей, беспристрастность и подчинение исключительно букве закона. Судья — профессиональный юрист, чья компетенция заключается в умении квалифицировать деяния, применять нормы права и оценивать доказательства.

Но в современной судебной практике регулярно наступает момент, когда человек в черной мантии сталкивается с границей собственных познаний. Закон требует от него вынести решение по вопросу, который лежит далеко за пределами юриспруденции. Является ли конкретный текст призывом к насилию? Содержит ли брошюра скрытое психологическое воздействие? Оскорбляет ли древний философский трактат чьи-либо чувства? Судья не является ни лингвистом, ни психологом, ни религиоведом. И тогда правосудие делает шаг в сторону, уступая место фигуре, чье влияние в современном процессе стало поистине безграничным. В зал входит эксперт.

В гражданском и уголовном судопроизводстве экспертиза исторически закрепила как «царица доказательств», определяющая исход дела в условиях нехватки компетенции у судьи. Когда-то, в мрачные эпохи инквизиционных процессов, «царицей доказательств» называли собственное признание обвиняемого. Сегодня этот титул негласно, но прочно перешел к экспертному заключению. Документ, скрепленный

печатью учреждения и подписью специалиста, обладает колоссальной гравитацией. Он способен перевесить показания десятков свидетелей, логические доводы защиты и даже очевидные факты физической реальности.

Процессуальный кодекс формально гласит, что никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы и экспертное заключение должно оцениваться наравне с другими материалами дела. Однако реальность судебной системы диктует иные правила игры. Судья, находящийся под давлением колоссальной нагрузки, жестких сроков и страха отмены приговора в вышестоящей инстанции, психологически и институционально склонен делегировать ответственность. Если в деле есть сложный вопрос, требующий специальных познаний, судья обязан назначить экспертизу. А получив ее результаты, он оказывается в логической ловушке: чтобы оспорить выводы эксперта, судье необходимо самому обладать экспертными знаниями в этой области, которых у него по определению нет.

Практика показывает, что суды во многих случаях копируют выводы экспертных заключений в мотивировочную часть приговора без смысловой переработки. Это не просто статистическая погрешность, это фундаментальный сдвиг в самой природе правосудия. Процесс принятия решения механизмуется. Судья открывает многостраничный документ, изобилующий сложными терминами, пролистывает методологическую часть, в которой все равно ничего не понимает, и переходит сразу к разделу «Выводы». Эти выводы, часто состоящие из односложных ответов «да, содержится» или «да, является», путем простого копирования переносятся в текст судебного решения. В этот момент происходит юридическая алхимия: частное мнение одного или нескольких человек, нанятых следствием или привлеченных судом, превращается в непререкаемую истину, установленную именем государства.

Уязвимость этой системы заключается в том, что она создавалась для точных и естественных наук. Когда суд назначает судебно-медицинскую, баллистическую или почерковедческую экспертизу, речь идет об объективных, измеряемых параметрах. Пуля либо выпущена из этого ствола, либо нет. ДНК совпадает или не совпадает. В этих сферах критерии научности строги, а возможность для манипуляций минимальна. Трагедия современного правосудия началась тогда, когда статус непререкаемого объективного доказательства был распространен на экспертизы в гуманитарной сфере

— лингвистические, психологические, религиоведческие и комплексные психолого-лингвистические исследования.

В гуманитарных науках граница между объективным фактом и субъективной интерпретацией предельно тонка. Текст всегда многозначен, человеческая психика не поддается линейному измерению, а религиозные догматы по своей природе оперируют категориями абсолютной истины, которые неизбежно вступают в конфликт с иными мировоззрениями. Когда гуманитарная экспертиза попадает в зал суда, она приносит с собой интерпретации, изложенные языком профессиональной дисциплины.

Использование сложных лингвистических и психологических терминов создает эффект «гипноза компетентностью», подавляя критическое мышление участников процесса. Представьте себе рядовое судебное заседание. Прокурор зачитывает обвинение, адвокат пытается апеллировать к здравому смыслу и контексту сказанных слов. И тут оглашается текст экспертного заключения. В нем говорится не просто о словах, а о «семантических полях с негативной коннотацией», «перлокутивном эффекте», «коммуникативных интенциях», «стратегиях дискредитации» и «манипуляции сознанием».

Для человека, не имеющего профильного филологического или психологического образования — а таковыми в зале суда являются все, включая судью, — этот язык звучит как заклинание. Научообразная риторика парализует волю к сопротивлению. Возникает когнитивный барьер: если текст написан так сложно, значит, за ним стоит глубокая, недоступная профанам наука. Здравый смысл отступает перед академическим жаргоном. Адвокат может сколько угодно доказывать, что подсудимый просто цитировал древний текст или выражал свое теологическое мнение, но эксперт парирует: «Мой дискурс-анализ и оценка речевого воздействия неопровержимо доказывают наличие скрытых установок на формирование образа врага». И суд верит эксперту, потому что язык эксперта звучит как язык власти и знания.

Этот феномен подчинения авторитету глубоко укоренен в человеческой психологии. Люди используют ментальные ярлыки для быстрого принятия решений без глубокого анализа. В условиях информационного перегруза и дефицита времени мозг ищет кратчайший путь к выводу. Одним из самых мощных таких ярлыков является

установка: «Если это сказал эксперт, значит, это правда». Вместо того чтобы анализировать сами аргументы, вникать в логику исследования и искать возможные противоречия, участники судебного процесса часто капитулируют перед статусом говорящего.

Классической иллюстрацией того, как далеко может зайти человек в своем подчинении авторитету, является знаменитый эксперимент Стэнли Милгрэма. В ходе этого исследования участникам предлагалось выступить в роли «учителя» и наказывать «ученика» (подставного актера) ударами тока за неправильные ответы. Напряжение увеличивалось с каждым разом, доходя до потенциально смертельных 450 вольт. Несмотря на крики и мольбы «ученика» о пощаде, 65% участников дошли до максимальной отметки. Почему обычные, добропорядочные люди совершали действия, противоречащие их моральным принципам? Потому что рядом стоял экспериментатор в белом халате — фигура, олицетворяющая научный авторитет, который спокойным голосом говорил: «Эксперимент требует, чтобы вы продолжили».

Судебный процесс во многом воспроизводит эту психологическую динамику. Судья и прокурор — это люди, встроенные в жесткую иерархическую систему. Когда перед ними ложится документ, подписанный кандидатом или доктором наук, снабженный печатями государственного университета или солидно звучащего исследовательского центра, этот документ выполняет роль того самого «белого халата». Эксперт говорит суду: «Наука требует признать этот текст опасным». И судебная машина, подавляя возможные внутренние сомнения, нажимает на кнопку, вынося обвинительный приговор, ломая судьбы людей или запрещая литературу.

Но если авторитет эксперта столь непререкаем, как система гарантирует его объективность? Здесь мы подходим к самой зияющей брешу в архитектуре современного правосудия. Судебная система имеет слабые и весьма ограниченные фильтры для проверки идеологической нейтральности эксперта, ограничиваясь лишь формальной проверкой дипломов.

Когда суд решает вопрос о допуске человека в качестве эксперта, процедура носит сугубо бюрократический характер. Судья изучает копию диплома о высшем образовании, проверяет наличие ученой степени, стаж работы по специальности. Если

бумаги в порядке, человек наделяется процессуальным статусом. Суд не задает вопросов о мировоззрении эксперта. Суд не исследует его публичные выступления вне стен лаборатории. Суд не проверяет, не является ли этот лингвист или религиовед активным участником радикальных идеологических движений, не состоит ли он в организациях, открыто декларирующих вражду к той группе, которую он сейчас будет «объективно» исследовать.

Эта слепота системы создает идеальные условия для проникновения в правовое поле ангажированных акторов. Человек может годами публично клеймить определенные религиозные или социальные группы, называть их «деструктивными культами» или «угрозой национальной безопасности», выступать на профильных конференциях с призывами к их искоренению. Но как только этот же человек надевает мантию судебного эксперта, система мгновенно забывает о его бэкграунде. Для суда он становится беспристрастным ученым, чье мнение свободно от личных симпатий и антипатий. Диплом работает как сильнейший маркер доверия.

Закон, казалось бы, предусматривает механизм защиты от недобросовестных специалистов. Статья 307 УК РФ действительно устанавливает уголовную ответственность за заведомо ложное заключение эксперта. Формально эта норма должна висеть дамокловым мечом над каждым, кто берется за проведение экспертизы. Перед началом работы эксперт предупреждается об ответственности. Однако на практике, особенно в сфере гуманитарных экспертиз, эта норма действует крайне ограниченно.

Ключевое слово в статье 307 — «заведомо». Чтобы привлечь эксперта к ответственности, необходимо доказать, что он сознательно дал ложное заключение, а не просто ошибся, небрежно исследовал материал или придерживался спорной научной позиции.

Нужно неопровержимо установить, что эксперт знал истину, но сознательно, целенаправленно исказил факты в своем заключении с целью ввести суд в заблуждение. Если речь идет о подделке подписи или сокрытии химического состава вещества, доказать умысел сложно, но возможно. Но как доказать прямой умысел в лингвистике или религиоведении?

Недобросовестный эксперт-гуманитарий находится в зоне некоей юридической неуязвимости. Любое искажение смысла, любую натяжку, любую откровенную манипуляцию с текстом он всегда может объяснить «особой научной школой», «авторской методикой», «субъективным восприятием» или, в крайнем случае, «добросовестным заблуждением». «Я так вижу этот текст как ученый», — заявляет эксперт, и правоохранительная система бессильно разводит руками. Доказать, что он «видел» иначе, но написал ложь специально, практически невозможно. Эта встроенная уязвимость законодательства превращает гуманитарную экспертизу в идеальный инструмент для сведения счетов, идеологических чисток и легализации репрессий.

Насколько далеко может зайти эта безнаказанность и слепота судебной системы, наглядно демонстрирует процесс, проходивший в Измайловском районном суде Москвы. Речь идет о деле по жалобе Саентологической церкви Москвы на отказ Минюста зарегистрировать ее устав в качестве религиозной организации; 1 июля 2015 года Измайловский суд отклонил эту жалобу, а экспертиза Ларисы Астаховой сыграла в деле заметную роль.

В своем заключении, представленном суду, Астахова привела цитаты из саентологических текстов, на которых строилась логика ее выводов о характере организации. Одна из наиболее известных претензий состояла в том, что цитата о «базовой цели саентолога» со ссылкой на «Введение в саентологическую этику» в указанном тексте отсутствовала. Это зафиксировано в опубликованном отзыве Юрия Тихонравова, где прямо сказано, что соответствующая цитата «попросту отсутствует в данном тексте, то есть является ложной».

Однако в ходе судебного заседания сторона защиты совершила действие, которое в нормальной правовой системе должно было бы немедленно разрушить дело и привести к аресту самого эксперта. Адвокаты просто открыли указанную книгу.

Видеозапись того судебного заседания зафиксировала момент столкновения бумажной фикции с физической реальностью. Представитель защиты обратился к суду с заявлением, которое обнажило всю суть происходящего: «Экспертом произведен интеллектуальный подлог тех объектов, которые она исследовала. Мы полагаем, что только с прямым умыслом можно указать в экспертизе цитату, которая якобы

принадлежит автору Рону Хаббарду, и которой в действительности там, где указывает эксперт, либо где-то еще, просто нет. Имею ввиду цитату на стр. 15 заключения эксперта, которая якобы содержится на странице 5 книги Рона Хаббарда “Введение в саентологическую этику”, из которой эксперт выводит, ни много ни мало, какова основная цель саентологов».

Защита продемонстрировала суду оригинал книги. Ни на пятой странице, ни на десятой, ни в каком-либо другом месте этого издания приведенной экспертом цитаты не существовало. Текст был попросту выдуман и вписан в официальный документ, от которого зависели судьбы людей.

Адвокат заявил, что эксперт, возможно, выдумала это, а возможно и нет, но в любом случае она приписала автору то, чего у него на самом деле не было. По словам адвоката, это был интеллектуальный подлог. Он сравнил ситуацию с тем, как если бы при определении причины смерти человека эксперт капнула в образец яду и затем заявила, что покойного отравили. Это, по его мнению, совершенно аналогичная ситуация.

Ситуация была кристально ясной. Это не была разница в интерпретациях. Это не был спор о семантических оттенках слова. Это был доказанный, физически осязаемый факт фальсификации доказательств. Эксперт вложила в уста автора слова, которых тот не писал, чтобы обосновать нужный следствию вывод. Академическое сообщество отреагировало на этот инцидент с возмущением. Целый ряд авторитетных ученых — доктора юридических, социологических и философских наук, профессора ведущих вузов страны, таких как МГУ и РГГУ, — выступили с резкой критикой компетентности Астаховой, указывая на недопустимость подобных методов в науке и экспертизе.

Но реакция судебной системы оказалась поразительной в своей парадоксальности. Несмотря на очевидный, доказанный в зале суда факт отсутствия цитаты в оригинальном тексте, несмотря на протесты академического сообщества, суд принял заключение Астаховой в качестве допустимого и достоверного доказательства.

Этот эпизод в Измайловском суде является квинтэссенцией кризиса института судебной экспертизы. Он показывает, что для системы формальный статус документа важнее его фактического содержания. Печать учреждения и диплом эксперта обладают

такой магической силой, что способны легализовать даже откровенную, доказанную ложь. Судья, столкнувшись с выбором между физическим отсутствием текста в книге и наличием этого текста в экспертном заключении, выбирает заключение.

Почему так происходит? Потому что признание экспертизы сфальсифицированной требует от судьи выхода из зоны процессуального комфорта. Это означает необходимость назначать повторную экспертизу, затягивать сроки рассмотрения дела, вступать в конфликт со следствием, которое эту экспертизу принесло, и, самое главное, брать на себя личную ответственность за оценку доказательств. Гораздо проще и безопаснее для карьеры закрыть глаза на «незначительные неточности» и опереться на бумагу, которая формально соответствует всем требованиям Уголовно-процессуального кодекса. Бумага стерпит все, а вышестоящая инстанция, проверяя приговор, увидит лишь то, что процедура была соблюдена: экспертиза назначена, проведена лицом с высшим образованием, выводы получены.

Так формируется замкнутая экосистема, в которой истина перестает быть целью судебного разбирательства, уступая место процессуальной целесообразности. В этой экосистеме появляются специфические игроки — коммерческие структуры, часто состоящие из одного директора и бухгалтера, которые предлагают следствию услуги по написанию «правильных» экспертиз «быстро и недорого». Эти фирмы-однодневки, скрывающиеся за громкими вывесками вроде «Центр культурологических и религиоведческих исследований», становятся фабриками по производству юридических фактов. Их сотрудники могут не иметь профильного образования по теме исследования, их выводы могут выходить далеко за рамки их компетенции, они могут открыто выражать субъективное мнение, не подкрепленное ничем, кроме собственных домыслов. Но пока судебная система готова принимать эти документы без критического осмысления, спрос на такие услуги будет только расти.

Проблема усугубляется тем, что язык, на котором пишутся эти псевдоэкспертизы, постоянно эволюционирует, становясь все более непроницаемым для неспециалиста. Если раньше эксперт мог просто написать, что текст «плохой» или «оскорбительный», то сегодня он использует тяжеловесные конструкции. Он пишет о «формировании негативного стереотипа», о «лингвистических маркерах социальной розни», о «суггестивном воздействии на подсознание реципиента». Эта словесная

эквилибристика выполняет двойную функцию. С одной стороны, она маскирует отсутствие реальной научной базы и доказательств. С другой — она создает непреодолимый барьер для защиты. Как адвокату опровергнуть наличие «суггестивного воздействия», если сам этот термин не имеет четкого правового определения и трактуется каждым экспертом по-своему?

В результате судебный процесс превращается в театр теней. В центре зала лежит книга, статья или расшифровка лекции. Вокруг нее разворачивается битва не фактов, а интерпретаций, где побеждает тот, чья интерпретация скреплена государственной печатью. Судья, уставший от потока дел, смотрит на эту битву сквозь призму своей мантии. Ему нужен ясный, однозначный ответ, который можно скопировать в приговор. И когда эксперт предоставляет ему этот ответ, судья с облегчением принимает его, не задумываясь о том, что в этот самый момент он передает свою власть, свою независимость и свою ответственность в руки человека, чьи мотивы могут быть бесконечно далеки от идеалов правосудия.

Мантия объективности, наброшенная на плечи эксперта, скрывает под собой множество тайн. Она скрывает идеологическую предвзятость, личные амбиции, некомпетентность, а порой и прямой преступный умысел. Но пока эта мантия признается судом как абсолютная гарантия истины, любой текст может быть объявлен опасным, любая мысль — преступной, а любой человек — виновным. Достаточно лишь найти правильного специалиста, который подберет нужные слова и поставит свою подпись в конце документа. И тогда бумага станет сильнее реальности.

Глава 2. Томский прецедент

Тридцатого июня 2011 года старший советник юстиции, прокурор города Томска Виктор Васильевич Федотов подписал документ, которому суждено было стать катализатором одного из самых громких международных скандалов в новейшей истории российского правосудия. Иск, направленный в Ленинский районный суд города

Томска, содержал ходатайство о признании русскоязычного издания книги «Бхагавад-гита как она есть» — комментированного перевода А. Ч. Бхактиведанты Свами Прабхупады — экстремистским материалом. Требования прокуратуры были жесткими: запретить распространение издания и добиваться его включения в Федеральный список экстремистских материалов, что означало бы фактический запрет книги на всей территории Российской Федерации.

В своем заявлении прокурор Федотов указал, что действует в интересах «Российской Федерации и неопределенного круга лиц». В качестве заинтересованного лица фигурировало Управление Министерства юстиции по Томской области. Юридическая машина была запущена. Но за сухими формулировками скрывался глубокий правовой и культурный парадокс: светский суд сибирского города готовился дать оценку книге, непосредственно связанной с одним из центральных текстов индуистской традиции.

Чтобы понять, как это стало возможным, нужно отмотать время назад. Инициатива прокуратуры не возникла в вакууме. Она стала результатом целенаправленной, многомесячной работы конкретных лиц, чьи мотивы лежали далеко за пределами заботы о государственной безопасности.

Одним из первых публичных вестников грядущего процесса действительно стал Максим Степаненко, на тот момент глава миссионерского отдела Томской епархии. Еще 7 августа 2011 года, опережая официальные пресс-релизы правоохранительных органов, он открыто заявил для публики об открытии дела против «Бхагавад-гиты». Деятельность Степаненко в регионе имела долгую и конфликтную предысторию. Начиная с 2009 года, он вел последовательную кампанию против местных кришнаитов. В апреле 2011 года именно по его инициативе в деревне Кандинка под Томском были снесены четыре капитальных жилых дома, принадлежавших верующим. Глава томского «Общества сознания Кришны» Энвер Измайлов ранее пытался добиться возбуждения уголовного дела в отношении Степаненко, расценив его выступления на общественных слушаниях как оскорбительные и направленные на воспрепятствование деятельности официально зарегистрированной религиозной организации. Однако Следственный комитет Прокуратуры РФ по Томской области тогда ответил отказом.

Степаненко не скрывал своей идеологической принадлежности и своих целей. Он действовал в строгом соответствии с методологией антикультовой сети, рассматривая любую нетрадиционную для его понимания религиозную группу как угрозу, подлежащую искоренению. Но для того чтобы государственная машина начала репрессии, одних проповедей и статей на миссионерских порталах было недостаточно. Требовался документ, обладающий процессуальным весом. Требовалась экспертиза.

История появления документа, который лег в основу прокурорского иска, вскрывает неформальные, теневые механизмы взаимодействия силовых структур и академического сообщества. Осенью 2010 года сотрудник Управления ФСБ России по Томской области Дмитрий Великоцкий обратился к декану философского факультета Томского государственного университета (ТГУ), преподавателю Томской духовной семинарии Сергею Аванесову. Просьба заключалась в подготовке экспертного заключения на книгу «Бхагавад-гита как она есть». Позже, уже в зале суда, Аванесов расскажет, что сотрудник ФСБ также самостоятельно выходил на филолога Валерия Наумова. В группу был привлечен и философ Валерий Свистунов.

25 октября 2010 года эти три сотрудника ТГУ в частном порядке составили и подписали документ, озаглавленный как экспертное заключение. В нем беспелляционно утверждалось, что в книге содержатся признаки экстремизма. Именно эта бумага, рожденная в результате кулуарных договоренностей, стала тем самым фундаментом, на котором прокуратура выстроила свое обвинение.

Рассмотрение дела по существу началось 12 августа 2011 года в Ленинском районном суде Томска под председательством судьи Галины Бутенко. Атмосфера вокруг здания суда разительно контрастировала с привычной рутинной провинциального правосудия. Томские правозащитники вышли на серию одиночных пикетов. В их руках были плакаты с цитатами из антиутопии Рэя Бредбери «451 градус по Фаренгейту» — романа о тоталитарном обществе, где пожарные сжигают книги. Рядом с литературными цитатами соседствовали выдержки из 28 статьи Конституции РФ, гарантирующей каждому гражданину свободу совести, вероисповедания и право свободно распространять свои религиозные убеждения.

Внутри зала заседаний события развивались не менее драматично. Одним из первых вопросов, поднятых в ходе слушаний, стал вопрос о фактических основаниях для преследования. Имеются ли в реальности случаи проявления экстремизма, спровоцированные чтением «Бхагавад-гиты как она есть»? Ответ представителя Министерства юстиции прозвучал обескураживающе для стороны обвинения: никаких случаев проявления экстремистской деятельности и вообще никаких нарушений законодательства со стороны местной религиозной организации «Томское общество сознания Кришны» за все десять лет ее существования в регионе отмечено не было.

Книгу на суде защищали члены самого общества, а также представители «Общества вайшнавов Бхактиведанта», выступавшие от лица издателя. Сторона защиты прямо указала на отсутствие состава преступления в реальном мире. Реакция прокуратуры на этот аргумент обнажила саму суть происходящего правового абсурда. Прокурор официально заявила, что стороне обвинения действительно не известны факты совершения каких-либо преступлений, связанных с книгой. Тем не менее, подчеркнула она: «заявление в суд сделано, чтобы предотвратить возможные преступления экстремистского характера».

Эта формулировка — «предотвратить возможные преступления» на основании интерпретации древнего текста — стала квинтэссенцией идеологического подхода, подменяющего собой правосудие. Логика обвинения строилась не на фактах, а на домыслах: преступлений нет, но если предположить, что кто-то прочитает комментарий к священной книге индуизма и поймет его определенным образом, то, возможно, произойдет правонарушение. Правовая система, призванная наказывать за совершенные деяния, на глазах превращалась в инструмент превентивной цензуры мыслей и убеждений.

Понимая шаткость позиции обвинения, сторона защиты нанесла мощный удар по главному доказательству прокуратуры — экспертизе ТГУ. В суд было представлено критическое заключение известного российского религиоведа, доктора философских наук С.И. Иваненко. Его анализ камня на камне не оставил от работы томских специалистов. Иваненко выявил множественные огрехи: в тексте экспертизы был обнаружен прямой плагиат с нескольких православных антикультистских сайтов; была отмечена явная небеспристрастность экспертов, вовлеченных в деятельность РПЦ;

ссылки и цитируемый текст зачастую просто не совпадали с исследуемой книгой; цитаты грубо вырывались из контекста; кроме того, эксперты почему-то анализировали и другие книги, помимо заявленной «Бхагавад-гиты как она есть».

Но самым сокрушительным аргументом стала официальная справка из администрации Томского государственного университета. В документе черным по белому значилось: университет никогда не уполномочивал своих сотрудников Аванесова, Свистунова и Наумова на проведение данной экспертизы. Прокуратура строила обвинение на авторитете государственного вуза, тогда как по факту официальная экспертиза университетом не проводилась вообще. Документ оказался частной инициативой трех человек, выполненной по неформальной просьбе сотрудника спецслужбы.

Допрос самих авторов экспертизы в зале суда превратился в публичное разоблачение методов фабрикации обвинительных документов. Руководитель группы Сергей Аванесов поспешил дистанцироваться от содержания текста. Он заявил, что ограничил свою роль исключительно выполнением организаторских функций и редактированием окончательного варианта, не проводя непосредственно самого исследования. Более того, Аванесов признался, что был крайне удивлен, узнав о начале судебного процесса, выразил недоумение сотруднику ФСБ и даже обращался в прокуратуру с просьбой отозвать заявление из суда.

Следом в зал был приглашен кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии и логики философского факультета ТГУ Валерий Свистунов. Его показания окончательно разрушили иллюзию научности представленного документа. Свистунов сообщил суду, что Аванесов предложил ему сделать «философское исследование», а вовсе не судебную экспертизу. Он подтвердил, что приказа по ТГУ о назначении комиссии не было, а задачи перед ним ставились крайне нечетко.

Дальнейшие признания эксперта звучали все более обескураживающе. Свистунов признался, что хотя и знаком с названием книги с 1980-х годов, сам текст он прочитал только сейчас, получив задание. При этом задачу он воспринял «творчески»: не ограничиваясь рамками процессуального исследования, он читал другие книги, а главное — активно пользовался информацией с антикультистских сайтов, критикующих

кришнаитов. На прямой вопрос о наличии оскорблений и унижений в комментариях к книге эксперт ответил отрицательно, добавив, что взгляды доктрины кришнаитов на христианство ни в коем случае не враждебные, а скорее нейтральные. На вопрос, исследовал ли он противоположный взгляд на учение, Свистунов ответил «нет», подчеркнув, что вся эта полемика была лишь его «субъективным мнением».

Кульминацией допроса стал момент, когда судья и представители защиты начали указывать экспертам на конкретные цитаты в их собственном заключении. Выяснилось, что многие фразы, приводимые как доказательство экстремизма, не просто вырваны из контекста — они вообще отсутствуют как в комментариях, так и в оригинальных текстах третьего издания «Бхагавад-гиты как она есть». Эксперты, не утруждая себя проверкой первоисточника, просто скопировали эти цитаты из православных антикультуристских статей, где критиковалось совершенно другое издание книги. После этого беспрецедентного провала представитель защиты Александр Шахов сделал устное заявление суду о необходимости признания экспертизы незаконной и привлечении трех специалистов к ответственности за допущенные нарушения.

В качестве консультантов на заседании выступили доктор филологических наук Н.В. Серебренников и доктор философских наук Н.Н. Карпицкий. Оба ученых категорически отвергли выводы преподавателей ТГУ, заявив, что никакого экстремизма в книге нет, а древний текст необходимо воспринимать в историческом и культурном контексте своего времени. Заместитель главного редактора «Независимой газеты» Андрей Мельников, анализируя этот этап процесса, точно подметил методологический сбой обвинения: «самая первая, томская экспертиза 2010 года много места уделяет обоснованию нетрадиционного, “сектантского”, в терминологии ее авторов, характера учения Прабхупады. При этом эксперты почему-то последовательно проводят сравнения с христианством, что, в свою очередь, позволяет сделать выводы о связи авторов исследования с конфессионально ангажированными организациями “сектоборцев”».

Пока в небольшом зале Ленинского суда Томска шли процессуальные баталии, новость о попытке запретить священное писание индуизма вырвалась за пределы России и спровоцировала эффект разорвавшейся бомбы на международной арене. В Индии известие о суде вызвало настоящий взрыв возмущения. Крупнейшая

телевизионная сеть страны New Delhi Television перешла в режим экстренного вещания, постоянно держа зрителей в курсе событий и организуя прямые включения с видными юристами и общественными деятелями. Поисковые системы выдавали сотни репортажей ежедневно. Впервые в истории многолетних дружественных российско-индийских отношений на улицах Нью-Дели и других городов прошли массовые антироссийские демонстрации.

Политический кризис достиг высшей точки, когда парламент Индии в знак протеста приостановил свою работу на два дня. Депутаты требовали от правительства немедленного вмешательства и защиты культурного и духовного наследия страны от посягательств сибирской прокуратуры. Глава Ассоциации индийцев в России Санджит Кумар Джха, специально прилетевший в Томск на заседания, в эфире телеканала «Россия» выразил боль миллионов своих соотечественников: «Ужасный резонанс в Индии. Парламент остановился на 2 дня. Это скорбь для нас, когда священная книга на суд выносится. Между религиозными людьми должно быть согласие, что нельзя их выносить в суд, неважно какие, Библия, Коран или Гита».

Дипломатические ведомства обеих стран оказались втянуты в тяжелейший процесс урегулирования конфликта, спровоцированного некомпетентностью и ангажированностью нескольких региональных функционеров. Внутри России дело также вызвало резкую реакцию правозащитников. Уполномоченный по правам человека в РФ Владимир Лукин публично назвал иск прокурора «очень странным», подчеркнув фундаментальную разницу между реальной угрозой и идеологической цензурой: «Борьба с терроризмом — это борьба с реальным планированием и созданием террористических группировок, а не с толкованием древних священных книг, к какой бы вере они ни принадлежали».

Уполномоченный по правам человека в Томской области Нелли Кречетова выступила с еще более жестким заявлением, которое широко растиражировали СМИ: «Во-первых, считаю абсурдной саму постановку вопроса. Эту книгу считают священной почти миллиард человек по всему миру. В России “Бхагавад-гита как она есть” свободно распространяется 20 лет. При этом она издается более чем на 60 языках мира. И те объяснения, что экстремистским является не весь текст, а только комментарии — несостоятельны, поскольку комментарии являются неотъемлемой частью книги...

Возможный запрет книги, а, стало быть, и запрет религиозной деятельности ее почитателей, нарушит конституционные права граждан на свободу совести, свободу вероисповедания и свободу слова». Кречетова прямо назвала иск прокуратуры «позорным» и призвала наказывать за реальные деяния, а не судить книги.

Осознав, что первоначальная экспертиза ТГУ полностью дискредитирована, суд приостановил производство по делу и по ходатайству прокуратуры назначил проведение новой, комплексной психолого-лингвистической религиоведческой экспертизы. На этот раз материалы были отправлены в Кемеровский государственный университет.

Заключение из Кемерово поступило в суд 15 декабря 2011 года. Документ объемом в 40 страниц содержал выводы комиссии в составе религиоведа Алексея Горбатова, лингвиста Михаила Осадчего и психолога Сергея Дранишникова. Результаты оказались противоречивыми. Религиовед Горбатов четко указал, что книга экстремизма не содержит и призывов к насильственным действиям в ней нет. Однако исследования лингвиста и психолога преподнесли суду новый сюрприз: их тексты совпадали местами буквально слово в слово. Несмотря на этот очевидный методологический нонсенс, Осадчий и Дранишников заключили, что в книге содержатся высказывания, оскорбительные «для неопределенной группы лиц», обосновывается необходимость «ограничения свободы женщин», а сама книга «способна оказать воздействие на систему социальных представлений».

Сторона защиты, предвидя подобное развитие событий, подготовилась основательно. Суду было представлено альтернативное заключение автономной некоммерческой организации «Лингвистический экспертно-консультационный центр» города Барнаула. Это фундаментальное исследование объемом 120 страниц проводили доктор философских наук А.В. Иванов, кандидат психологических наук Д.В. Каширский, кандидат филологических наук О.Н. Матвеева и руководитель психологической службы Алтайской краевой клинической психиатрической больницы Я.В. Соколов. Перед барнаульскими учеными были поставлены те же вопросы, что и перед кемеровскими, но их выводы оказались абсолютно противоположными: признаков экстремизма в тексте нет. Защита подчеркнула, что барнаульское исследование, в отличие от

кемеровского, проводилось строгими научными методами, подробно описанными в тексте.

Кроме того, защита обрушила на суд лавину авторитетных академических рецензий, камня на камне не оставляющих от выводов кемеровских лингвиста и психолога. Кандидат филологических наук О.В. Орлова указала на несоответствие выводов кемеровского лингвиста методологии современного анализа текста. С разгромными рецензиями выступили доктор филологических наук, профессор Института русского языка им. В. Виноградова РАН Д.О. Добровольский, доктор психологических наук РГГУ В.Ф. Спиридонов, профессор кафедры социологии МГУ А.Е. Наговицын. Защита также ходатайствовала о приобщении экспертизы известного религиоведа Екатерины Элбакян, которая анализировала учение вайшнавов в целом и указала на грубые ошибки экспертов обвинения.

Математика процесса стала очевидной: из 13 представленных суду экспертных оценок 11 утверждали, что экстремизма в «Бхагавад-гите» нет, и лишь две (причем написанные под копирку) находили в ней некие признаки оскорбления «неопределенной группы лиц».

28 декабря 2011 года состоялось решающее заседание. Выслушав прения сторон, судья Галина Бутенко сочла доводы прокуратуры неубедительными. Она объявила об отказе в удовлетворении заявления о признании книги экстремистской. В своем решении судья отметила, что книга представляет собой «одну из интерпретаций священного индуистского писания», и заключила, что текст не содержит высказываний побудительного характера, призывов к враждебным или насильственным действиям в отношении лиц определенной конфессиональной, национальной или этнической принадлежности.

Прокуратура попыталась оспорить это решение, подав апелляцию, но 21 марта 2012 года Томский областной суд оставил вердикт районного суда без изменения. Здравый смысл, подкрепленный беспрецедентным международным давлением и консолидированной позицией научного сообщества, одержал победу. Министр иностранных дел Индии С.М. Кришна официально приветствовал решение суда и поблагодарил правительство России за поддержку.

Однако академическое сообщество Томска понимало, что проблема не решена, а лишь отложена. 24-25 февраля 2012 года в Томском государственном университете прошла Всероссийская научная конференция «Бхагавад-гита в истории и в современном обществе». На круглом столе, прошедшем в рамках конференции, присутствовали 64 ученых из разных городов России. Представители прокуратуры, Минюста и ФСБ, специально приглашенные на мероприятие, проигнорировали встречу.

По итогам конференции была принята жесткая резолюция. Ученые заявили, что к религиозным текстам уровня «Бхагавад-гиты» понятие экстремизма применено быть не может. Они официально признали мнение экспертов Аванесова, Свистунова, Наумова, Осадчего и Дранишникова «непрофессиональным, вненаучным и ангажированным», указав на неприемлемость их нравственной позиции. Но самым важным пунктом резолюции стало прямое выражение недоверия Александру Дворкину как председателю экспертного совета при Минюсте РФ. Ученые обратили внимание государства на острую проблему правоприменительной практики закона об экстремизме, которая допускает чудовищные злоупотребления по отношению к религиозным организациям.

Профессор Николай Карпицкий задал в своем блоге резонный вопрос: «Сколько стоил нам, как налогоплательщикам, затеянный без всякого повода суд над книгой, и почему ответственные лица доверяют не ученым-специалистам, а безграмотным провокаторам?». Он даже попытался инициировать привлечение ангажированных экспертов к уголовной ответственности по статье 307 УК РФ за заведомо ложное заключение, но система своих не сдала.

Истинные мотивы и уровень компетенции инициаторов этого процесса лучше всего охарактеризовал сам Максим Степаненко. В начале 2012 года, анализируя провал в суде на портале «К Истине», он опубликовал текст, который звучит как явка с повинной идеологического диверсанта. Называя себя «адептом секты Дворкина», он сокрушался не о нарушении прав верующих и не о международном позоре страны. Его печалило другое: «Меня очень расстраивает полное отсутствие грамотного информационного сопровождения судебного процесса... Расстроен и изначально ошибочным выбором экспертов, которые оказались малоопытными, совершенно слабыми перед критикой сектантов. Выбрали бы изначально настоящих специалистов, сейчас бы кришнаиты

лихорадочно сжигали свою человеконенавистническую макулатуру. Впрочем, это простительно, у Томской прокуратуры опыта ведения подобных процессов нет, а этому по учебникам не научишься...».

В этих словах кроется страшная правда о томском прецеденте. Для антикультовой сети суд над древним эпосом не был ошибкой или недоразумением. Это был полигон. Они тестировали систему, проверяли на прочность региональную прокуратуру, обкатывали механизмы взаимодействия с лояльными силовиками и карманными экспертами. Они проиграли этот конкретный бой только потому, что выбрали слишком крупную мишень, за которую вступилось целое государство. Но технология была создана, правовые лазейки нащупаны, а опыт — пусть и негативный — получен. И этот опыт подсказывал им: в следующий раз нужно бить тише, выбирать жертву слабее и готовить экспертные бумаги тщательнее. Правовая машина показала свою готовность принимать идеологические заказы, оставалось лишь научиться правильно их оформлять.

Глава 3. Генеалогия стигмы

В Древней Греции физическое пространство полиса было строго разделено на тех, кто обладал полнотой прав, и тех, кто находился за пределами социальной нормы. Чтобы визуально закрепить эту границу, использовался предельно жестокий, но эффективный инструмент — стигма. Раскаленным железом на тело преступника, предателя или беглого раба наносилось клеймо. Этот выжженный на коже знак выполнял двойную функцию: он причинял физическую боль в момент нанесения, но, что гораздо важнее, он навсегда менял социальный статус человека. Носитель стигмы лишался права на доверие, сочувствие и полноценное участие в жизни общества. Любой встречный, бросив взгляд на клеймо, мгновенно считывал сигнал: перед ним изгой, существо низшего порядка, по отношению к которому обычные нормы морали и права больше не действуют.

Спустя тысячелетия человечество отказалось от раскаленного железа, признав физическое калечение варварством. Однако сама потребность власти и радикальных идеологий в маркировке «чужих» никуда не исчезла. Она лишь эволюционировала, переместившись из физической плоскости в лингвистическую и психологическую. На смену ожогам на коже пришли слова-маркеры, социальные ярлыки, которые выжигаются в общественном сознании с помощью средств массовой информации, псевдонаучных публикаций и административных решений.

Чтобы понять, как формируется среда, в которой становятся возможными масштабные репрессии против инакомыслящих, необходимо исследовать историческую генеалогию стигмы. Известный итальянский социолог религии Массимо Интровинье, анализируя исторические процессы маргинализации меньшинств, вывел концепцию, получившую название «Римская формула». Эта модель описывает универсальный алгоритм уничтожения любой неугодной социальной группы и состоит из трех последовательных этапов: нетерпимость, дискриминация, преследование.

Первый этап — нетерпимость — всегда разворачивается в сфере идей, слов и образов. Прежде чем государство применит полицейскую дубинку, закроет организацию или отправит людей в тюремные камеры, общество должно быть морально подготовлено к тому, что эти действия оправданы. Будущие жертвы должны быть лишены человеческих черт, выведены за рамки привычного социального договора. Именно здесь на сцену выходит практика навешивания социальных ярлыков, которая исторически предшествует физическим репрессиям и служит их главным моральным алиби.

Одним из самых мощных и разрушительных ярлыков современности стало слово «секта». Парадокс заключается в том, что изначально этот термин не содержал в себе абсолютно никакого негативного или криминального подтекста. В классической латыни слово *secta* (от глагола *sequor* — следую) означало партию, школу, фракцию или определенный образ мышления и жизни. Это было нейтральное описательное понятие, фиксирующее факт обособления группы от более широкого сообщества.

Шведский исследователь Перссон Бертил в своей фундаментальной работе «Борьба против сект: идейные основы и их несостоятельность» подробно прослеживает историческую трансформацию этого понятия:

«В XI–XVII вв. слово “секта” используется как синоним литературной, философской, политической или религиозной школы мысли или (секретного или частного) общества. Итак, некий философский кружок, тайное религиозное собрание христиан, литературный салон, орден (как в значении филантропического общества, так и в значении подразделения Католической церкви) и даже политическая партия могут быть названы “сектами”».

Трансформация нейтрального термина в инструмент дегуманизации не была случайным лингвистическим дрейфом. Это был целенаправленный процесс, архитекторами которого выступили конкретные исторические фигуры, заложившие теологическую и риторическую базу для преследования религиозных меньшинств в Европе первой половины XX века.

Истоки современной антикультовой идеологии, которая сегодня оперирует терминами «деструктивный культ» и «тоталитарная секта», лежат в Германии 1920-х годов. В 1921 году при Протестантской церкви был создан Апологетический центр. Изначально заявленный как структура для защиты чистоты лютеранского вероучения от влияния новых религиозных течений, этот центр очень быстро перешел от богословской полемики к сбору досье, классификации и стигматизации оппонентов. Вскоре эту организацию возглавил теолог Вальтер Кюннет.

Именно под руководством Кюннета Апологетический центр начал разрабатывать методологию, которая впоследствии идеально вписалась в репрессивный аппарат Третьего рейха. Кюннет и его соратники первыми начали системно применять практику составления «черных списков» неблагонадежных организаций. Они поняли важнейший принцип социальной инженерии: чтобы список врагов был воспринят обществом и государством всерьез, он должен опираться на псевдонаучное обоснование. Недостаточно просто заявить, что чьи-то религиозные взгляды ошибочны с точки зрения ортодоксии. Необходимо доказать, что эти взгляды представляют экзистенциальную угрозу для нации, государства и психического здоровья граждан.

Когда в 1933 году к власти в Германии пришла Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (НСДАП), наработки Апологетического центра оказались крайне востребованными. Тоталитарный режим нуждался во внутренних врагах для консолидации общества, и религиозные меньшинства, отказывающиеся полностью подчиняться государственной идеологии, стали идеальной мишенью. Произошло слияние церковной антикультовой риторики с государственной машиной подавления.

Вершиной этой интеграции и наглядным примером того, как псевдонаучная экспертиза легитимизирует репрессии, стал документ, выпущенный в 1938 году Службой безопасности рейхсфюрера СС (SD). Документ, опубликованный под грифом «Geheime Kommandosache» (Секретное дело командования), носил название «Richtlinien zur Bekämpfung des Sektenwesens» — «Руководство по борьбе с сектами».

Этот исторический источник представляет собой поразительное свидетельство того, как бюрократическая система конструирует образ врага. В руководстве СС опасность так называемых «сект» обосновывалась не совершением реальных уголовных преступлений — убийств, грабежей или насилия. Критерии опасности лежали исключительно в плоскости идеологии и социального поведения. Согласно тексту документа, деструктивная суть сект проявлялась в следующих фактах:

Обучение членов эгоцентричным идеям и безразличию ко всем вопросам народа и государства. Возможность проникновения марксистов и коммунистов. Участие масонов, иудеев и международные связи. Отказ давать присягу и использовать немецкое приветствие. Противостояние всеобщей воинской повинности. Отказ занимать посты в государстве и движениях (Германский трудовой фронт, Защита от воздушных атак, Организация нацистского социального обеспечения и т.п.). Отказ в содействии бизнесам и деятельности, связанной с военной машиной. Молитвы за здоровье. Эксплуатация и оскотинивание людей. Противостояние национал-социалистической теории о расе.

Анализ этого списка вскрывает саму суть стигматизации. Государство объявляет преступным отказ человека раствориться в массе. Пацифизм, нежелание участвовать в милитаристской пропаганде, наличие международных связей и даже «молитвы за здоровье» интерпретируются как угроза национальной безопасности. Термин «секта» в

этом документе окончательно отрывается от своего религиоведческого значения и становится политическим клеймом, обозначающим нелояльность режиму.

Последствия внедрения таких руководств были катастрофическими. Процесс дегуманизации, запущенный через слова и списки, неизбежно перешел в стадию физического уничтожения. Общество, которому годами внушали, что представители определенных групп являются «раковой опухолью» на теле нации, «эксплуататорами» и «угрозой», перестало воспринимать их как людей, заслуживающих сострадания.

Самым известным и страшным символом этой дегуманизации стала «желтая звезда» — знак отличия в форме звезды Давида с надписью «Jude», который евреи были обязаны носить на верхней одежде на территориях, подконтрольных нацистской Германии. Этот кусок ткани был не просто средством идентификации. Он был инструментом тотальной изоляции и унижения. Человек с желтой звездой на груди вычеркивался из правового поля. Ему запрещалось заниматься определенными профессиями, посещать общественные места, владеть имуществом. Звезда служила визуальным сигналом для остального общества: перед вами «недочеловек», по отношению к которому допустима любая жестокость.

Менее известным, но не менее показательным примером визуальной стигматизации стали лиловые треугольники. В концентрационных лагерях Третьего рейха эта нашивка использовалась для обозначения Свидетелей Иеговы — группы, которая подверглась жесточайшим преследованиям именно на основании критериев, прописанных в «Руководстве по борьбе с сектами» 1938 года. Их отказ брать в руки оружие, произносить нацистское приветствие и признавать абсолютный авторитет фюрера привел к тому, что они были классифицированы как особо опасная категория заключенных. Лиловый треугольник выполнял ту же функцию дегуманизации, что и желтая звезда. Он превращал человека в абстрактную категорию, в мишень.

Пропагандистская машина Третьего рейха активно использовала зоологические и медицинские метафоры для закрепления эффекта расчеловечивания. В 1939 году в австрийской газете «Das Kleine Blatt» была опубликована карикатура, изображающая еврейских беженцев в виде крыс, которых выгоняют из Европы. В оккупированной Дании распространялся плакат с изображением грызуна и надписью: «Крыса —

истребите её». В детской книге-сказке «Ядовитый гриб», изданной в 1938 году Эрнстом Химером, целевая группа изображалась как смертельная инфекция, поражающая здоровый организм немецкого народа.

Когда человека называют крысой, тараканом или ядовитым грибом, у обывателя отключаются эмпатия и критическое мышление. Уничтожение вредителей не вызывает моральных терзаний — это воспринимается как санитарная норма, необходимая для выживания большинства. Именно этот психологический сдвиг, подготовленный годами лингвистической стигматизации, сделал возможным Холокост и массовые убийства в концентрационных лагерях.

После разгрома нацистской Германии в 1945 году казалось, что методы тотальной стигматизации и дегуманизации навсегда останутся в прошлом, осужденные Нюрнбергским трибуналом. Однако идеологический фундамент, заложенный Вальтером Кюннетом и его последователями, не был разрушен. Он лишь прошел процесс мимикрии, адаптировавшись к новым демократическим реалиям послевоенной Европы.

Эстафету Кюннета принял немецкий пастор Фридрих-Вильгельм Хаак. Он очистил антикультовую риторику от откровенно нацистских расовых теорий, но сохранил главное — структурную нетерпимость и методологию создания образа врага. Хаак продолжил практику составления списков «опасных групп», сместив акцент с политической неблагонадежности на психологическую угрозу. Именно в этот период начинают формироваться концепции «промывания мозгов» и «контроля сознания», которые позволили антикультистам обвинять новые религиозные движения в скрытом насилии над личностью, даже если сами члены этих движений отрицали факт принуждения.

Следующим ключевым звеном в этой цепи преемственности стал датский теолог Йоханнес Огорд, основатель международной организации «Диалог-центр». Огорд вывел антикультовую деятельность на международный уровень, создав разветвленную сеть единомышленников по всей Европе. Он активно продвигал идею о том, что традиционные церкви и государственные институты должны объединить усилия для борьбы с «сектантской угрозой». Риторика Огорда, внешне респектабельная и академичная, по своей сути воспроизводила все те же паттерны дегуманизации:

целевые группы объявлялись неполноценными, опасными и подлежащими жесткому контролю или ликвидации.

Для того чтобы маргинализировать группы, которые не нарушали уголовный кодекс и действовали в рамках закона, идеологи антикультизма усовершенствовали специфический манипулятивный прием — метод «вины по ассоциации».

Исторические корни этого метода также уходят в практику тоталитарных режимов. После неудачного покушения на Адольфа Гитлера 20 июля 1944 года нацистское руководство прибегло к древней германской традиции, известной как *Sippenhaft* (родственная ответственность). Согласно этому принципу, человек признавался виновным не за свои собственные действия, а исключительно по факту связи с преступником. К ответственности привлекались члены семей, друзья и коллеги заговорщиков. *Sippenhaft* использовался для оправдания тюремного заключения и казней тысяч людей, чья единственная вина заключалась в их социальном окружении.

В современной антикультовой практике метод «вины по ассоциации» применяется в информационном и правовом поле. Его суть заключается в том, что мирная, законопослушная организация намеренно и многократно упоминается в одном контексте с признанными экстремистскими группами, террористами или организаторами массовых самоубийств. В статьях, телевизионных репортажах и псевдонаучных экспертизах названия безобидных философских школ или религиозных общин ставятся через запятую с организациями вроде «Аум Синрикё» или сектой Чарльза Мэнсона.

Человеческий мозг устроен так, что при многократном повторении связанных образов он начинает воспринимать их как единое целое. Если в новостном сюжете диктор произносит слово «секта», затем показывает кадры газовой атаки в токийском метро, а следом — собрание местной общины, изучающей йогу или древние тексты, у зрителя формируется стойкая нейронная связь. Община, не совершившая ни одного правонарушения, в глазах общества становится потенциальным источником терроризма. Ярлык «сектант» аннулирует презумпцию невиновности. Человеку или группе больше не нужно совершать преступление, чтобы стать изгоем; достаточно того, что антикультовые эксперты поместили их в соответствующий классификатор.

Насколько глубоко эти методы укоренились в бюрократических структурах даже современных демократических государств, демонстрирует беспрецедентный случай, произошедший в Германии в конце 1990-х годов. Этот эпизод показывает, как лингвистическая стигматизация материализуется в административные барьеры, пугающе напоминающие практики полувековой давности.

В марте 1997 года в немецкой прессе разразился скандал: был раскрыт секретный приказ Федерального агентства по труду (Bundesanstalt für Arbeit). Согласно этому распоряжению, все государственные центры занятости были обязаны особым образом маркировать личные дела и карточки предприятий, владельцы которых подозревались в принадлежности к Церкви саентологии. На их документах ставилась специальная литера «S».

Цель этой маркировки заключалась в том, чтобы ограничить коммерческие права этих людей, затруднить им ведение бизнеса и наем сотрудников. Государственный орган, призванный обеспечивать равные права на рынке труда, фактически ввел систему институциональной дискриминации по признаку мировоззрения.

Буква «S» в картотеке немецкого центра занятости 1997 года выполняла абсолютно ту же социальную функцию, что и желтая звезда на пальто в 1941 году. Она служила сигналом для чиновника: перед тобой человек второго сорта, его права могут быть ограничены, его бизнес должен подвергаться бойкоту. Разница заключалась лишь в форме исполнения — публичное физическое унижение сменилось тихой бюрократической сегрегацией. Но суть осталась неизменной: государство, опираясь на списки, составленные идеологически ангажированными структурами, выталкивало часть своих граждан за пределы полноценного социального существования.

Этот случай наглядно доказывает, что метод клеймения не является пережитком мрачного прошлого. Он постоянно воспроизводится, меняя лишь терминологию и инструменты доставки. Если раньше для дегуманизации требовались уличные плакаты и громкоговорители, то сегодня достаточно внести организацию в реестр «деструктивных культов» на сайте профильного министерства или опубликовать серию заказных статей в интернете.

Опасность стигматизации заключается в ее универсальности и непредсказуемости. Ярлык, однажды легализованный в общественном дискурсе, начинает жить собственной жизнью и может быть применен к кому угодно. Сегодня антикультовые организации включают в свои «черные списки» не только новые религиозные движения, но и светские структуры: медицинские центры, спортивные федерации, школы йоги, тренинговые компании, исследовательские институты и даже коммерческие предприятия. Любая группа людей, объединенная общими интересами, корпоративной культурой или нестандартным подходом к образованию, рискует получить клеймо «психокульты» или «коммерческой секты».

Более того, риторика дегуманизации легко масштабируется от локальных групп до целых народов и государств. История показывает, что язык ненависти, обкатанный на маргинальных меньшинствах, неизбежно становится инструментом большой политики. Яркий и трагический пример того, как слова убивают, дает история геноцида в Руанде в 1994 году.

Задолго до того, как начались массовые убийства, радиостанция «Radio Télévision Libre des Mille Collines» (Свободное радио и телевидение тысячи холмов) начала планомерную кампанию по расчеловечиванию народности тутси. В эфире их перестали называть людьми, заменив этноним словом «inyenzi» — тараканы. Изо дня в день ведущие радиостанции убеждали слушателей из народности хуту, что тараканы угрожают их существованию, что они плетут заговоры и готовят нападение. Когда градус истерии достиг критической отметки, радиостанция перешла от абстрактных оскорблений к прямым инструкциям, транслируя имена и адреса людей, подлежащих уничтожению. Примерно за сто дней было убито около 800 тысяч человек. Соседи убивали соседей не потому, что внезапно сошли с ума, а потому, что в их сознании жертвы перестали быть людьми, превратившись в опасных насекомых, подлежащих истреблению.

Этот африканский прецедент, на первый взгляд далекий от европейских или российских реалий, демонстрирует фундаментальный закон социальной психологии: насилие всегда начинается с изменения словаря. Когда в публичном пространстве становится допустимым называть группу людей «раковой опухолью», «зомби»,

«сектантами» или «недочеловеками», общество делает первый шаг к физическому насилию.

Антикультовая идеология, зародившаяся в кабинетах немецких теологов сто лет назад, сегодня превратилась в глобальную индустрию нетерпимости. Она предлагает государству и обществу простые ответы на сложные вопросы. Вместо того чтобы разбираться в причинах социальных кризисов, анализировать психологические проблемы одиночества или вести честный мировоззренческий диалог, антикультисты предлагают найти козла отпущения. Они создают иллюзию безопасности: достаточно выявить «секту», заклеить ее, запретить ее деятельность — и общество очистится.

Но эта иллюзия смертельно опасна. Соглашаясь на использование дегуманизирующих ярлыков, общество добровольно отказывается от базовых принципов права и морали. Оно передает право решать, кто является полноценным человеком, а кто — «сектантом», в руки самопровозглашенных экспертов, чьи методы и цели уходят корнями в самые темные эпохи человеческой истории.

Стигма, будь то выжженное клеймо на плече раба, желтая звезда на пальто или слово «культ» в судебном решении, всегда выполняет одну и ту же задачу. Она ослепляет смотрящего. Она заставляет нас видеть не живого человека с его правами, убеждениями и достоинством, а абстрактную угрозу, мишень, лишенную права на защиту. И пока этот механизм лингвистического расчеловечивания продолжает функционировать, признаваясь легитимным инструментом государственной политики или журналистской практики, ни одна социальная группа не может чувствовать себя в безопасности. Тень исторического опыта ясно показывает: те, кто сегодня аплодирует навешиванию ярлыков на чужаков, завтра сами могут обнаружить невидимую, но несмываемую метку на собственной двери.

Глава 4. Лица системы

В апреле 2009 года в тишине московских правительственных кабинетов произошло событие, которое навсегда изменило ландшафт государственно-конфессиональных отношений в России. Был подписан ведомственный приказ Министерства юстиции Российской Федерации, утверждающий новый состав Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы. Должность председателя этого ключевого органа, наделенного колоссальными полномочиями по оценке деятельности религиозных объединений, занял Александр Леонидович Дворкин.

Для стороннего наблюдателя это могло показаться рутинной бюрократической процедурой — ротацией кадров в одном из множества консультативных советов при министерстве. Однако для специалистов в области права, социологии религии и правозащитников это назначение прозвучало как удар колокола. Человек, чья публичная риторика годами строилась на бескомпромиссной стигматизации десятков официально зарегистрированных в стране организаций, человек, не имеющий профильного светского академического образования в области социологии или религиоведения, внезапно получил в свои руки высший инструмент государственной легитимации.

Назначение 2009 года не было случайностью или ошибкой кадрового аппарата. Оно стало триумфальным завершением многолетнего процесса институционализации частной идеологической инициативы. Чтобы понять, как маргинальная группа активистов смогла монополизировать право говорить от имени государства в сфере свободы совести, необходимо препарировать саму архитектуру созданной ими системы. Эта система не возникла в одночасье. Она выстраивалась методично, шаг за шагом, формируя сложную, многоуровневую сеть, в которой каждому участнику была отведена строго определенная роль.

Фундамент этой сети был заложен в 1993 году, когда Александр Дворкин, вернувшись в Россию после эмиграции в США, основал Информационно-консультационный центр преподобного Ириния Лионского. Изначально позиционируемый как структура для защиты традиционных ценностей, центр быстро

эволюционировал в нечто иное. Он стал лабораторией по производству идеологического оружия и кузницей кадров для будущего масштабного наступления на гражданские свободы.

Ключевым стратегическим решением создателей центра стал отказ от попыток действовать исключительно в маргинальном поле уличного активизма. Они поняли фундаментальный закон функционирования власти: чтобы управлять процессами, необходимо интегрироваться в существующие институты, мимикрировать под них и использовать их ресурсную базу. Центр Ириней Лионского начал активно выстраивать связи с силовыми ведомствами, чиновниками региональных администраций и, что самое важное, с представителями титульной конфессии, используя авторитет Русской православной церкви как непробиваемый щит для своей деятельности.

Однако амбиции идеологов выходили далеко за рамки одного, пусть и влиятельного, московского центра. Для тотального контроля над информационным и правовым полем требовалась общенациональная структура. В 2006 году эта задача была решена: разрозненные региональные инициативы были объединены в единый кулак — Российскую ассоциацию центров изучения религий и сект (РАЦИРС). Президентом ассоциации, разумеется, стал Александр Дворкин.

Создание РАЦИРС ознаменовало переход антикультового движения в России на принципиально новый организационный уровень. Это больше не был клуб по интересам. Это была жестко структурированная, иерархическая корпорация, обладающая признаками теневой спецслужбы. Внутри этой сети произошло четкое разделение труда, где каждый функционер отвечал за свой участок конвейера по производству репрессий.

На вершине пирамиды находился идеолог — сам Александр Дворкин. Его задачей была генерация смыслов, разработка терминологического аппарата и обеспечение политического прикрытия на высшем уровне. Именно он ввел в широкий оборот и легализовал в публичном дискурсе не имеющий научного обоснования термин «тоталитарная секта». Этот ярлык стал универсальной отмычкой, позволяющей перевести любую неугодную группу из категории субъектов права в категорию экзистенциальных угроз.

Но идеолог не может лично присутствовать в каждом региональном суде или писать каждую заказную статью. Для этого требовался исполнительный аппарат. Анализ кадрового состава РАЦИРС вскрывает поразительную картину: сеть функционирует благодаря слаженной работе специалистов совершенно разного профиля, чьи компетенции дополняют друг друга, создавая замкнутый цикл преследования.

Информационное обеспечение и медийную поддержку операций взял на себя Евгений Мухтаров — журналист, руководитель пресс-службы РАЦИРС и консультант совета по вопросам религиозных объединений при мэрии города Ярославля. В его задачи входило формирование необходимого информационного фона. Прежде чем в офис организации придут с обыском силовики, общество должно быть подготовлено. Мухтаров и подконтрольные ему медийные ресурсы генерировали поток публикаций, в которых целевая группа обвинялась во всех мыслимых грехах: от мошенничества до разрушения семей. Создавался эффект моральной паники, при котором любые действия властей против стигматизированной группы воспринимались обывателем как спасение.

Академическое прикрытие сети обеспечивали фигуры вроде Льва Семенова, преподавателя Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ) и руководителя дочерней организации РАЦИРС. Наличие людей с университетскими должностями было критически важно для системы. Когда выводы антикультистов подвергались сомнению в судах, они предъявляли бланки с логотипами учебных заведений. Тот факт, что кафедра сектоведения ПСТГУ, возглавляемая тем же Дворкиным, являлась конфессиональной, а не светской научной структурой, в суматохе судебных заседаний часто упускался из виду. Главное — наличие слова «университет» в регалиях выступающего.

Региональную экспансию и контроль на местах осуществляли такие деятели, как Александр Кузьмин, ответственный секретарь РАЦИРС и председатель Саратовского отделения Центра религиоведческих исследований. Подобные региональные наместники выполняли роль оперативных агентов. Они собирали информацию, инициировали локальные конфликты, писали заявления в прокуратуру и выступали в качестве «экспертов» в местных судах, транслируя столичные методички на провинциальную почву.

Особую, скрытую от посторонних глаз роль играли специалисты по взаимодействию с силовыми структурами. В структуре сети эту функцию выполняли люди с биографией Андрея Редкозубова, сотрудника по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными органами. Их задача заключалась в конвертации идеологической ненависти в конкретные уголовные дела. Они проводили закрытые лекции для сотрудников ФСБ, МВД и прокуратуры, обучая силовиков распознавать «сектантскую угрозу» и снабжая их готовыми шаблонами обвинительных заключений.

Эта архитектура влияния работала безотказно. Механизм запускался по щелчку: региональный представитель (например, Кузьмин) фиксировал активность неугодной группы; медийный блок (Мухтаров) организовывал серию разоблачительных репортажей в местной прессе; силовой блок инициировал проверку; а когда дело доходило до суда, на стол судьи ложилось экспертное заключение, подписанное либо самим Дворкиным, либо кем-то из его академических соратников (Семеновым). Круговая порука обеспечивала стопроцентный результат.

Поразительной особенностью этой системы являлся уровень квалификации ее главных действующих лиц. Биографии ключевых «экспертов» сети демонстрируют зияющую пустоту там, где должно находиться профильное академическое образование. Люди, берущие на себя смелость выносить безапелляционные вердикты о психологическом состоянии тысяч верующих, о лингвистических тонкостях древних текстов и о социологической динамике сложных сообществ, в подавляющем большинстве случаев не имели дипломов психологов, лингвистов или социологов. Их авторитет держался исключительно на агрессивной самопрезентации, поддержке лояльных чиновников и страхе оппонентов перед административным ресурсом.

Кандидат социологических наук В. Филькина, анализируя методологическую базу этой группы, предельно точно охарактеризовала суть их работы: «...основные концептуальные понятия Дворкина “тоталитарность” и “деструктивность” не используются в научном мире, поскольку являются скорее ярлыками, несущими негативную коннотативную нагрузку, своеобразным “социальным оружием”... Несмотря на то, что книги и статьи Дворкина основаны по большей части на “ненадёжных источниках информации”, например, на “газетных историях, интернет-

сообщениях, частных мнениях”, терминологию его книг часто применяют органы государственной власти».

Аспирант Лондонской школы экономики и политических наук Марат Штерин вскрыл логическую ловушку, которую антикультисты расставили для правосудия: «Основное допущение в статье Дворкина — что все новые религиозные движения (НРД) обладают одинаковыми характеристиками и все они могут быть названы “тоталитарными сектами” и “деструктивными культами”. Этого якобы достаточно — привести несколько примеров отдельных групп, чтобы обосновать общий вывод об угрозе, исходящей от всех НРД. Более того, эти действия описываются как антисоциальные просто потому, что они связаны с “сектами”. Метод “обвинения по ассоциации” широко используется в статье. Следуя этой логике, автор неизбежно попадает в замкнутый круг: секты опасны, потому что они совершают опасные действия; а их действия опасны, потому что они секты...».

Но отсутствие научной базы с лихвой компенсировалось цинизмом и беспринципностью применяемых методов. Истинное лицо системы, скрывающееся за маской заботы о духовном здоровье нации, лучше всего демонстрируют внутренние инструкции самих антикультистов. На сайте Виталия Питанова, одного из активных деятелей сети, был опубликован текст, который можно считать манифестом и практическим руководством к действию для всей структуры:

«На секты нужно собирать компромат и его распространять! Хочу заметить, что этот подход без труда можно использовать против кого угодно — против православных мирян, священников и даже церковных иерархов. Мы живём в прозрачном обществе, и при желании компромат можно найти на кого угодно или же его придумать. Этот метод может в какой-то степени помочь в профилактике в том случае, когда удастся показать, что учение сект поощряет и одобряет такую деятельность её последователей, которая с точки действующего законодательства является криминальной».

Вдумайтесь в эти слова. «Компромат можно найти на кого угодно или же его придумать». Это не оговорка и не частное мнение маргинала. Это базовая операционная модель всей сети РАЦИРС. Презумпция невиновности, объективность исследования, поиск истины — все эти фундаментальные принципы права и науки отбрасываются за

ненадобностью. Задача эксперта-антикультиста заключается не в том, чтобы исследовать реальность, а в том, чтобы сконструировать компромат, при необходимости — выдумать его, а затем легализовать через подконтрольные медиа и лояльных следователей.

Этот подход зеркально отражает психологию тех самых деструктивных групп, с которыми РАЦИРС якобы ведет непримиримую борьбу. В своей базовой книге «Сектоведение» Александр Дворкин, описывая психологию сектантов, сформулировал тезис, который парадоксальным образом стал точнейшим автопортретом его собственной организации:

«Так как все тоталитарные секты считают, что цель оправдывает средства, то все они ставят собственные интересы выше закона. Им всем присуща “двойная мораль” и “двойной стандарт”. Если их члены уверены, что цель, поставленная ими перед собой, “праведна” и “справедлива” (вернее было бы сказать: если их членам приказали считать поставленную перед ними цель “праведной” и “справедливой”. — А. Д.), они не остановятся перед тем, чтобы солгать, украсть, ввести человека в заблуждение, прибегнуть к контролированию сознания своих собратьев или, в конце концов, оклеветать должностных лиц и общественных деятелей, оказывающих им сопротивление, и даже физически устранить неугодного им человека (или группу лиц). По существу, мы имеем дело с мафиозными структурами, скованными железной дисциплиной и беспрекословным повиновением своему руководству».

Читая этот пассаж, невозможно избавиться от ощущения глубокого когнитивного диссонанса. Организация, члены которой открыто призывают «придумывать компромат», организация, чьи эксперты уличаются в судах в прямом подлоге цитат, организация, выстроившая жесткую вертикаль власти с непререкаемым лидером во главе, — эта организация обвиняет других в двойной морали и готовности лгать ради достижения цели.

Адвокат, сопредседатель Славянского правового центра Владимир Ряховский, наблюдая за деятельностью этой структуры на протяжении многих лет, пришел к однозначному выводу. Он прямо заявил, что руководимый Дворкиным Центр святого Иринейя Лионского «по существу и является крайне деструктивной сектой, которая,

основываясь на лжи, пропагандирует вражду к целому ряду официально действующих в нашей стране законопослушных религиозных объединений».

Если проанализировать структуру РАЦИРС по критериям, которые сам Дворкин выделил для определения «тоталитарной секты», совпадение окажется пугающе точным. Нетерпимость к критике и отсутствие плюрализма? Любой ученый или журналист, осмелившийся усомниться в методах РАЦИРС, немедленно объявляется «пособником сектантов» или «купленным агентом». Наличие харизматичного авторитарного лидера? Фигура Дворкина непререкаема, его тексты цитируются последователями как истина в последней инстанции. Признаки исключительности? Сеть выстроила абсолютную монополию на экспертное мнение в государственных органах. Роль «маленьких гуру»? Региональные руководители отделений РАЦИРС обладают неограниченной властью над умами своих последователей на местах.

Однако для удержания монополии внутри огромной страны одного лишь административного ресурса и агрессивной риторики было недостаточно. Идеологам РАЦИРС требовалась внешняя легитимация. В условиях, когда серьезное российское академическое сообщество (институты РАН, ведущие университеты) регулярно подвергало выводы антикультистов разгромной критике, Дворкину был жизненно необходим статус, который позволил бы ему смотреть на отечественных профессоров свысока. Ему нужен был международный зонтик.

Этим зонтиком стала Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве (FECRIS) со штаб-квартирой в Париже.

FECRIS, объединяющая десятки антикультовых центров по всей Европе, позиционирует себя как респектабельная правозащитная организация. На деле же она выполняет функцию глобальной прачечной по отмыванию репутаций радикальных активистов.

Александр Дворкин не просто вступил в эту организацию. Он на протяжении длительного времени занимал пост вице-президента FECRIS. Этот статус стал одним из его главных козырей во внутрироссийских аппаратных играх. Когда в суде адвокаты защиты указывали на отсутствие у Дворкина профильного образования или на откровенную антинаучность его экспертиз, прокуроры и судьи видели перед собой не

просто скандального публициста, а «вице-президента авторитетной европейской федерации». Западный титул работал как инструмент символической легитимации в глазах части российских правоприменителей. FECRIS обеспечивала международную легитимацию локальным преследованиям, создавая видимость глобального консенсуса там, где на самом деле действовала узкая группа идеологически ангажированных лиц.

Но как европейская организация, существующая в пространстве развитых демократий, могла сделать своим вице-президентом человека, чья риторика пропитана нетерпимостью, а методы прямо нарушают базовые принципы прав человека? Ответ кроется в глубоком институциональном кризисе самих европейских структур, ответственных за мониторинг религиозной ситуации.

Особенно сильные позиции антикультовые организации заняли во Франции, где они заручились беспрецедентной поддержкой государства. Главным партнером FECRIS и, опосредованно, российской сети РАЦИРС стала MIVILUDES — Межведомственная миссия по бдительности и борьбе с сектантскими отклонениями, которая в тот период относилась к службам премьер-министра Франции, а позднее была переведена в систему МВД.

Связь между французскими государственными чиновниками и российскими радикальными антикультистами задокументирована множеством фактов, которые складываются в картину системного, многолетнего сотрудничества. Журналист-расследователь Ян Леонид Борнштейн в своей статье на портале The European Times подробно восстановил хронологию этого взаимодействия, обнажив поразительное лицемерие европейской бюрократии.

Список совместных мероприятий выглядит как протокол многолетнего сотрудничества. По опубликованным программам FECRIS и по реконструкции, представленной Борнштейном, представители MIVILUDES на протяжении многих лет участвовали в мероприятиях федерации: в 2011 году в Варшаве — Жорж Фенек, в 2012 году в Сальс-ле-Шато — Серж Блиско и Жорж Фенек, в 2013 году в Копенгагене — Блиско, в 2014 году в Брюсселе — снова Блиско, в 2015 году в Марселе — Блиско, в 2016 году в Софии — Блиско делит трибуну не только с Дворкиным, но и с Романом Силантьевым, еще одним видным деятелем российской антикультовой сети, в 2017 году в Брюсселе —

Анн Жоссо, в 2018 году в Риге — Лоренс Пейрон, в 2019 году в Париже — Анн-Мари Кураж, в 2021 году в Бордо — Ханен Ромдан. В ряде случаев в тех же программах или списках участников фигурировал Александр Дворкин.

Этот десятилетний марафон совместных конференций, рукопожатий и обмена опытом происходил на фоне стремительно ухудшающихся отношений между Россией и Западом. Пока лидеры демократических стран с трибун ООН и Европарламента заявляли о необходимости защиты прав человека, противостояния авторитаризму и защиты свободы слова, высокопоставленные чиновники французского правительства, получающие зарплату из кармана европейских налогоплательщиков, регулярно заседали за одними столами с архитекторами российской репрессивной машины.

Более того, некоторые европейские функционеры не ограничивались лишь академическим сотрудничеством. Тот же Жорж Фенек, бывший французский политик и член руководящего комитета MIVILUDES, в 2019 году в составе группы парламентариев посетил оккупированный Крым, чтобы, по сообщениям прессы, «встретиться с Путиным и дать показания о том, как хорошо Крыму живется с Россией». А в 2013–2014 годах французские антикультовые организации поручили депутату Руди Саллесу проработать с Парламентской ассамблеей Совета Европы (ПАСЕ) вопрос о принятии жесткой резолюции по вопросу «культов и несовершеннолетних».

Европейская федерация FECRIS и французская миссия MIVILUDES стали для РАЦИРС не просто статусными партнерами. Они стали важнейшим элементом в механизме легализации репрессий. Когда российские правозащитники пытались апеллировать к международным нормам, указывая на недопустимость преследования за убеждения, Дворкин и его соратники с усмешкой предъявляли фотографии с европейских симпозиумов. «Смотрите, — говорили они, — наши методы полностью поддерживаются в просвещенной Европе. Французское правительство делает то же самое. Мы действуем в русле мировых тенденций».

Эта иллюзия глобального консенсуса, старательно поддерживаемая через сеть аффилированных организаций в Великобритании (в том числе The Family Survival Trust), США и других странах, позволяла российской антикультовой сети действовать с абсолютной безнаказанностью. Они создали замкнутую экосистему, в которой сами

придумывали терминологию, сами назначали врагов, сами писали на них компромат, сами проводили экспертизы и сами же подтверждали свою правоту ссылками на своих зарубежных коллег.

Журналист и блогер Олег Лурье, наблюдая за разрастанием этой структуры, дал исчерпывающую характеристику мотивам ее создателей: «Вся жизнь — борьба. А если врага нет, то его придумывают. Именно так поступают те, для кого сам процесс имитации борьбы принципиально важнее победы, которой, по сути, быть не может, в связи с отсутствием реального врага. Это я о человеке, прибывшем в Россию из Соединённых Штатов Америки, с великой целью — для уничтожения всяческих страшных сект, которых, по его мнению, в Российской Федерации, как собак нерезаных. Куда ни плюнь, попадёшь в секту. Вот он по велению Высших Сил и прибыл для уничтожения. Чистильщик такой.... И если такие откровенно сомнительные “специалисты”, как Александр Дворкин, правоохранительные органы, органы власти... В любом встречном-поперечном он видит сектанта и тоталитарную секту...».

Сергей Иваненко в своей книге «О людях, стойких в гонении» пошел еще дальше в психологическом анализе лидера сети: «У меня сложилось определенное понимание личности А. Л. Дворкина, который стал своего рода символом российского антикультизма. Горящие глаза, напористая речь, безудержная демагогия и слабое знание предмета обсуждения. Мне показалось, что передо мной Хлестаков собственной персоной. ...Хлестакова и Дворкина роднит склонность к патологической лжи. Это особое психологическое состояние. По мнению некоторых психологов, патологические лгуны отличаются от обычных лжецов тем, что, произнося ложные утверждения, уверены в том, что говорят правду».

Но проблема заключалась в том, что этот «Хлестаков» обладал реальной властью. Властью ломать судьбы, закрывать организации и отправлять людей за решетку.

К концу 2000-х годов система была полностью отлажена. РАЦИРС превратилась в теневое министерство правды, обладающее собственным медийным холдингом, региональной агентурой, силовым прикрытием и международным представительством. Избрание Александра Дворкина председателем Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ в апреле

2009 года стало лишь формальной фиксацией того факта, что государство добровольно передало монополию на истину в руки частной идеологической корпорации.

В кабинетах Минюста, где должны были торжествовать сухая буква закона и беспристрастный научный анализ, теперь правили бал люди, открыто призывающие к фабрикации компромата. Они получили доступ к законотворчеству, войдя в состав экспертной группы по совершенствованию законодательства в сфере свободы совести и религиозных объединений при профильном комитете Государственной думы. Таким образом те, кто придумывал ярлыки, теперь писали законы, по которым эти ярлыки превращались в уголовные статьи.

Система обрела свои лица. Лица людей, которые, прикрываясь заботой о духовной безопасности, выстроили бесперебойный конвейер по уничтожению инакомыслия. И теперь, обладая печатями государственных экспертов и мандатами европейских федераций, они были готовы перейти к массовому производству главного продукта своей деятельности — документов, способных превратить любую ложь в неопровержимый юридический факт. На столе председателя Экспертного совета лежали чистые бланки, ожидающие лишь подписи, чтобы запустить очередную волну разрушений.

Глава 5. Фабрикация научности

На столе судьи лежит документ. Внешне он ничем не отличается от сотен других бумаг, проходящих через судебную канцелярию: плотная белая бумага, строгий шрифт, нумерация страниц, прошитый и скрепленный печатью корешок. На титульном листе значится солидное наименование учреждения — чаще всего это звучит как центр религиоведческих исследований при каком-нибудь университете или епархиальном управлении. Ниже стоят подписи людей, чьи фамилии сопровождаются аббревиатурами ученых степеней и званий. Для правовой системы этот скрепленный синими печатями

том является квинтэссенцией объективного знания. Он называется «Комплексное экспертное заключение».

Однако если отбросить процессуальную оболочку и подвергнуть этот текст строгому академическому и логическому препарированию, иллюзия научности рассыпается, обнажая тщательно выстроенную технологию подлога. Создание такого документа — это не результат независимого исследования, а финал многоступенчатой операции, в которой частное, идеологически ангажированное мнение упаковывается в форму непререкаемого юридического факта. Эта практика превратилась в самостоятельную индустрию, функционирующую по своим внутренним, скрытым от посторонних глаз правилам.

Процесс легализации нужного вывода начинается задолго до того, как эксперт ставит свою подпись на последней странице. Первым и абсолютно обязательным этапом фабрикации доказательной базы является предварительная медийная кампания. Судья, следователь или прокурор не существуют в социальном вакууме. Они читают новости, смотрят телевизор, просматривают ленты социальных сетей. Чтобы экспертное заключение, изобилующее натяжками и бездоказательными утверждениями, было принято судом без критического осмысления, необходимо заранее сформировать у правоприменителя соответствующий когнитивный фон.

За несколько месяцев до инициирования официальных проверок или судебных исков в региональном информационном поле начинает искусственно нагнетаться напряжение. В местных изданиях, на аффилированных интернет-ресурсах и в телевизионных сюжетах появляются материалы, посвященные целевой группе. Тональность этих публикаций всегда предельно агрессивна и безапелляционна. Используется специфический словарь: «угроза», «зомбирование», «разрушение семей», «финансовое рабство». Журналисты, часто получающие готовые фактуры от представителей антикультуры сети, не утруждают себя проверкой информации или предоставлением слова второй стороне.

Цель этой информационной артподготовки — создать эффект моральной паники. Когда дело наконец доходит до суда, судья уже психологически подготовлен. В его сознании целевая группа заранее маркирована как источник социальной опасности. И

когда на его стол ложится экспертное заключение, в котором наукообразным языком повторяются те же самые тезисы, которые он вчера слышал в вечернем выпуске новостей, у судьи возникает ложное чувство объективного подтверждения. Экспертиза в данном случае не открывает истину, она лишь легитимизирует искусственно созданный общественный консенсус. Судье психологически комфортно вынести обвинительное решение, потому что оно совпадает с «общественным мнением», заботливо сконструированным авторами медийной кампании.

Но как именно пишется сам текст экспертизы? Любое научное исследование базируется на источниках. В академической среде качество работы определяется качеством библиографии: ссылками на рецензируемые научные журналы, признанные монографии, независимые статистические данные и верифицируемые полевые исследования. Если мы откроем раздел «Список использованной литературы» в типичном заключении, подготовленном представителями антикультовой сети, мы обнаружим поразительный феномен, который можно назвать замкнутой эпистемологической петлей.

Базовым методом создания доказательной базы в этих документах является перекрестное самоцитирование. Эксперты ссылаются на публикации друг друга, на материалы собственных сайтов и на сборники докладов со своих же внутренних конференций как на независимые, авторитетные научные источники.

Работает это следующим образом. Эксперт «А» пишет заключение для суда в одном регионе. Чтобы обосновать тезис о деструктивности исследуемой организации, он ставит сноску на статью эксперта «Б», опубликованную на сайте Центра Иринейя Лионского. В свою очередь, эксперт «Б», выступая в другом судебном процессе, ссылается на выступление эксперта «В» на антикультовой конференции, прошедшей годом ранее. А эксперт «В» в своих публикациях опирается на судебное решение, вынесенное на основании экспертизы эксперта «А».

Возникает параллельная реальность. Внутри этой системы циркулируют одни и те же ничем не подтвержденные утверждения, которые с каждой новой итерацией и перепечаткой набирают фиктивный академический вес. Для стороннего наблюдателя, не погруженного в специфику связей между этими авторами, библиография из

пятидесяти пунктов выглядит внушительно. Судья видит длинный список литературы, видит названия конференций, сборников и статей, и у него не возникает мысли проверить, что все эти пятьдесят источников сгенерированы узкой группой из пяти-шести человек, работающих в одной организации и связанных жесткой идеологической дисциплиной. Это классический прием создания информационного шума, за которым скрывается абсолютная пустота реальной доказательной базы.

Однако в центре этой паутины перекрестных ссылок всегда находится главный, фундаментальный текст, выполняющий роль абсолютного авторитета. В подавляющем большинстве экспертиз, направленных против новых религиозных движений, философских школ или тренинговых центров, ключевым источником, на который опираются авторы, является книга Александра Дворкина «Сектоведение».

История этого текста и его статус в правовой системе России представляют собой один из самых вопиющих примеров подмены науки идеологической публицистикой. Первое издание этой работы вышло в 1998 году под названием «Введение в сектоведение. Учебное пособие к курсу “Сектоведение”». По сути, это была брошюра, составленная на основе лекций, которые автор читал в Православном Свято-Тихоновском богословском институте. В 2000 году вышло расширенное издание — «Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования». Именно эта книга стала одним из ключевых текстов для антикультового движения. На нее систематически ссылаются в судах, на ее основе пишутся обвинительные заключения, ее цитируют чиновники и силовики.

Парадокс заключается в том, что эта книга издавалась и продвигалась прежде всего как конфессиональное учебное пособие, а ее научный статус неоднократно становился предметом публичной критики. Более того, она подвергалась разгромной критике со стороны профильных специалистов. 27 декабря 2000 года доктор юридических наук, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ Михаил Кузнецов подготовил экспертное заключение по содержанию книги Дворкина. Выводы профессора Кузнецова не оставляют камня на камне от претензий автора на научность.

В своем заключении профессор Кузнецов констатирует: «Анализ концепции и содержания книги “Сектоведение Тоталитарные секты: Опыт систематического исследования” (Нижний Новгород, 2000 г.) А. Дворкина позволяет сделать однозначный вывод: с точки зрения научного религиоведения и православной миссии — книга А. Дворкина совершенно бесполезна. Для православных миссионеров, серьёзных исследователей, для правоохранительных и иных государственных органов указанное издание никакого интереса не представляет. Более того, использование книги А. Дворкина “Сектоведение Тоталитарные секты: Опыт систематического исследования” в православных духовных школах может только повредить, а её использование специалистами способно только запутать и нанести вред. Указанная книга А. Дворкина методически неграмотна, для использования в качестве дидактических материалов или учебного пособия в образовательном процессе непригодна».

Оценивая попытки автора систематизировать материал, Кузнецов отмечает: «Второе издание книги Дворкина, которую он везде называет “учебником”, претенциозно озаглавлена “Сектоведение. Тоталитарные секты: Опыт систематического исследования”, но, к сожалению, анализ самой книги не выявил системности в материалах, чисто механически сведённых А. Дворкиным в своём труде. Непригодность книги Дворкина в условиях России обусловлена, прежде всего, тем, что, в основном, Дворкин пишет только на основе иностранных материалов (чужого авторства), анализу деятельности сект в России отведено недопустимо мало места. При чтении анализируемого произведения возникают некоторые сомнения и по поводу адекватности самоидентификации автора как “православного исследователя”. Самое главное нарекание к книге — это путаница в голове автора и отсутствие системного подхода к исследованию заявленной темы. Создаётся устойчивое впечатление, что автор порою сам не понимает предмета своего исследования, тенденций развития описываемой проблематики».

Резюмируя свой анализ, доктор юридических наук выносит суровый вердикт: «Нет смысла в данном заключении высвечивать все обнаруженные недостатки книги А.Дворкина. В противном случае данное заключение уместилось бы на многих десятках страниц. Подводя итог, повторимся: книга А. Дворкина “Сектоведение Тоталитарные секты: Опыт систематического исследования” вряд ли, в силу выше указанных и многих

других причин, может представлять какой-либо интерес и пользу для православных миссионеров, светских учёных — религиоведов, юристов, социологов и др., а также для правоохранительных и иных государственных органов».

Документ Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки ставит окончательную точку в вопросе академического статуса этой дисциплины: «В действующей Номенклатуре специальностей научных и научно-педагогических работников специальности “сектоведение” не имеется. В российской государственной системе научных и образовательных квалификаций закреплено религиоведение, а не отдельная светская научная специальность «сектоведение». При этом само «сектоведение» продолжает существовать в церковно-учебной и богословской среде как конфессиональный курс и учебное пособие.

Несмотря подобные критические оценки, суды продолжают принимать экспертизы, базирующиеся на «Сектоведении», как допустимые доказательства. Происходит институционализация невежества. Текст, признанный методически неграмотным и бесполезным для науки, становится фундаментом для вынесения реальных приговоров, ликвидации юридических лиц и ограничения конституционных прав граждан.

Но проблема книги «Сектоведение» не ограничивается лишь отсутствием научной методологии. Критики Дворкина обращали внимание и на предельно полемическую, стигматизирующую лексику этого текста. Если применять к антикультовой публицистике те же аналитические критерии, которые ее авторы требуют применять к своим оппонентам, книга сама становится объектом жесткого критического разбора.

В современных критических публикациях и полемических разборах высказывается мнение, что язык книги способствует формированию резко негативного, уничижительного образа религиозных меньшинств. Лингвистические экспертизы последовательно выявляют в тексте целенаправленное использование языковых средств и речевых стратегий, направленных на формирование у читателя резко негативного, враждебного и уничижительного отношения к определенным религиозным группам.

Эксперты констатируют, что автор использует демонизирующую и дегуманизирующую лексику, целенаправленно конструирует образ врага, приписывает исследуемым группам опасные намерения (вплоть до потенциального геноцида) и активно применяет военную риторику. Текст не просто критикует доктрины — он имплицитно побуждает к вражде и оправдывает ограничительные меры. Совокупное применение этих речевых стратегий создает информационную среду, в которой дискриминация и враждебные действия по отношению к представителям меньшинств начинают восприниматься читателем как необходимые и оправданные.

Таким образом, правоохранительная система, призванная бороться с экстремизмом, парадоксальным образом опирается на текст, который сам по себе содержит признаки разжигания религиозной ненависти и вражды, унижения достоинства и пропаганды неполноценности граждан по признаку их отношения к религии. Это высшая форма правового цинизма: использовать литературу, генерирующую ненависть, для обвинения в экстремизме тех, на кого эта ненависть направлена.

Следующим важнейшим элементом технологии фабрикации является подмена понятий непосредственно в текстах судебных экспертиз. Поскольку большинство групп, подвергающихся атакам, не совершают реальных уголовных преступлений, экспертам необходимо криминализировать их повседневную, законную деятельность. Для этого используется специфическая лингвистическая алхимия: теологические разногласия, особенности внутреннего устава или духовные практики искусственно переводятся на язык Уголовного кодекса.

Например, утверждение любой религии о том, что ее путь ведет к спасению, а другие пути ошибочны (что является базовым теологическим постулатом для большинства мировых конфессий), в тексте антикультовой экспертизы может трактоваться как «пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его религиозной принадлежности». Обычная практика пожертвований, существующая в любой церкви, описывается терминами «финансовая эксплуатация» и «мошенническое завладение средствами». Строгое соблюдение религиозных постов или диетических ограничений квалифицируется как «причинение вреда здоровью» и «истязание». А многочасовые молитвы, медитации или песнопения

объявляются «техниками контроля сознания», «введением в гипнотический транс» и «психологическим насилием».

Эта подмена понятий позволяет экспертам находить «состав преступления» в абсолютно легальных действиях. Судья, читая заключение, видит не описание религиозного обряда, а перечень пугающих психологических и криминалистических терминов. Эксперт выступает в роли переводчика, который намеренно искажает смысл переводимого текста, чтобы гарантированно привести подсудимого к обвинительному приговору.

Кто же те люди, которые берут на себя смелость производить подобные манипуляции с текстами и судьбами? Анализ кадрового состава авторов этих экспертиз вскрывает еще одну зияющую брешь в системе. Зачастую документы, определяющие наличие тончайших психологических манипуляций или сложных лингвистических конструкций, подписываются людьми, не имеющими базового профильного образования в этих сферах.

Показательной и в высшей степени драматичной является история Олега Заева. На протяжении более двух десятилетий этот человек был одним из самых активных деятелей антикультовой сети. Он работал в структурах РАЦИРС, регулярно выступал в качестве эксперта, писал заключения, на основании которых ломались судьбы людей и выносились судебные приговоры. Для правоохранительных органов и судов он долгие годы оставался непререкаемым авторитетом, специалистом, чье слово имело вес.

Но система, построенная на идеологической преданности, а не на объективном знании, безжалостна к своим винтикам. Как только внутри организации произошел конфликт и Заев проявил малейшую самостоятельность, машина, которой он служил четверть века, обернулась против него самого. Вчерашние соратники не просто уволили его — они подвергли его публичной диффамации, используя те же самые методы, которые годами применяли против внешних оппонентов.

Александр Новопашин, один из видных деятелей сети, публично заявил, что Заев занимается конспирологической деятельностью и его не стоит приглашать в эфир, чтобы такие сомнительные «специалисты» с самопровозглашенной «экспертизой» не дискредитировали медиаорганизации. Внезапно для общественности открылся

поразительный факт: человек, чьи экспертные заключения годами отправляли людей за решетку, на самом деле никогда не изучал ни одну из дисциплин, в которых претендовал на экспертизу. Выяснилось, что базовое образование Олега Заева — инженерное. Он окончил Новосибирский электротехнический институт.

Двадцать пять лет инженер-электрик проводил психолого-лингвистические и религиозоведческие экспертизы, а суды принимали их как научные документы. Пока он был лоялен руководству сети, отсутствие профильного диплома никого не смущало. Но стоило ему впасть в немилость, как его собственные коллеги заклеили его «фальшивым экспертом». Этот эпизод является идеальной иллюстрацией того, что для создателей системы квалификация не имеет никакого значения. Эксперт в их понимании — это не ученый, ищущий истину, а лояльный исполнитель, готовый подписать нужный текст. И как только исполнитель выходит из-под контроля, его статус аннулируется. Заев на собственном опыте испытал тиранию и дегуманизацию, практикуемые его бывшими коллегами, став жертвой той самой машины по производству компромата, которую он помогал строить.

Насколько разрушительной может быть эта машина, когда она вторгается в частную жизнь обычных граждан, наглядно демонстрирует история Елены Брессем. Этот случай показывает, как технология фабрикации экспертиз используется не только для глобальных идеологических кампаний, но и для решения сугубо частных, корыстных задач, ломая жизни конкретных семей.

История Елены началась с тяжелого семейного конфликта. По ее свидетельству, бывший муж забрал и увез их общего сына. В попытках легализовать свои действия и лишить мать родительских прав, супруг прибег к помощи структур, специализирующихся на создании нужных юридических реальностей. Он нанял адвоката Александра Корелова — человека, тесно связанного с Александром Дворкиным и антикультовой сетью.

Обычный бракоразводный процесс и спор об опеке над ребенком мгновенно превратился в идеологическое судилище. Сторона бывшего мужа решила использовать тот факт, что Елена несколько лет работала в компании Herbalife. Для нормальной

правовой системы место работы матери в легальной коммерческой структуре не является основанием для лишения ее ребенка. Но в дело вступила фабрика научности.

К судебному процессу, на котором должен был решаться вопрос о месте проживания детей, сторона Корелова подготовила беспрецедентный по своему цинизму документ. Суду были представлены два тома материалов, скрепленных синими печатями. Этот многостраничный труд, претендующий на статус научного исследования, должен был доказать суду два тезиса: во-первых, что компания Herbalife является «тоталитарной коммерческой сектой», а во-вторых, что Елена Брессем — зомбированный адепт этой секты, представляющий опасность для собственного ребенка.

Если заглянуть внутрь этих двух томов, можно увидеть классическую анатомию подлога, описанную выше. В качестве неопровержимых доказательств деструктивности коммерческой компании суду было представлено большое количество литературы, автором которой являлся исключительно Александр Дворкин. Дополнительно в дело были подшиты материалы неких конференций, организованных самими же антикультистами, которые также «подтверждали» сектантский характер организации. Никаких независимых экономических, психологических или социологических исследований представлено не было. Только перекрестные ссылки внутри замкнутой сети.

Более того, по словам Брессем, позже в суд была представлена и отдельная экспертиза, из которой делался вывод о ее ненормальности и необходимости лечения в психиатрической клинике.

Кульминацией этого абсурдного, но пугающе реального процесса стало личное появление в суде самого Александра Дворкина. Человек, позиционирующий себя как исследователь всероссийского масштаба, пришел в районный суд в качестве свидетеля обвинения по частному семейному делу. Стоя перед судьей, он уверенно рассказывал о том, что Елена состоит в секте, описывал ее психологическое состояние и степень ее деструктивности.

Елена Брессем слушала эти показания с ужасом и непониманием. В своих воспоминаниях она подчеркивала одну деталь, которая вскрывает всю суть

происходящего: она видела этого человека впервые в жизни. Дворкин никогда с ней не встречался, никогда не беседовал, не проводил никаких психологических или социологических опросов. Его уверенные показания в суде базировались исключительно на том факте, что ему нужно было отработать заказ и создать прецедент признания конкретной коммерческой компании сектой, используя трагедию матери как удобный полигон.

В зале суда столкнулись две реальности. С одной стороны — живая женщина, мать, пытающаяся вернуть своего похищенного ребенка. С другой — два тома бумаги с синими печатями, стопка книг с громкими названиями и уверенный голос человека, который, не зная ее лично, конструировал ее идентичность для судьи, называя ее опасным сектантом. И в современной правовой системе, где формальный статус документа зачастую перевешивает здравый смысл и фактические обстоятельства, эти два тома бумаги обладают колоссальной, разрушительной силой. Они превращают ложь в процессуальную истину, против которой обычный человек оказывается абсолютно беззащитен.

Глава 6. Правовой вакуум

Фундаментальный принцип любого современного демократического правосудия, восходящий еще к римской юриспруденции, гласит: *nullum crimen, nulla poena sine praevia lege poenali* — нет преступления, нет наказания без предшествующего уголовного закона. Этот принцип требует абсолютной точности. Закон должен предельно ясно описывать, какое именно деяние является правонарушением, чтобы гражданин мог предвидеть последствия своих действий, а судья не имел возможности трактовать норму произвольно. Граница между дозволенным и преступным должна быть очерчена строгими, недвусмысленными юридическими дефинициями.

Однако при столкновении с делами, инициированными на основании материалов антикультавой сети, этот базовый принцип начинает давать сбой. Правовое поле

внезапно теряет свою жесткость, контуры определений размываются, и правосудие погружается в специфическую зону, которую можно охарактеризовать как искусственно созданный правовой вакуум. Это не случайная недоработка законодателя и не временный пробел в кодексах. Это тщательно поддерживаемая среда, в которой отсутствие точных юридических формулировок становится главным условием для безнаказанного преследования инакомыслящих.

Центральным элементом этой системы выступает терминология. В тысячах газетных публикаций, в телевизионных репортажах, в полицейских рапортах и, что самое поразительное, в мотивировочных частях судебных приговоров регулярно фигурируют словосочетания «тоталитарная секта» и «деструктивный культ». Эти слова звучат как строгие юридические квалификации, они обладают колоссальным обвинительным весом и мгновенно формируют у слушателя или читателя образ неминуемой угрозы.

Но парадокс заключается в том, что в федеральном российском законодательстве отсутствуют легальные определения этих терминов. Их нет ни в Уголовном кодексе, ни в Кодексе об административных правонарушениях, ни в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях». В основных международно-правовых актах по правам человека такие категории также не закреплены как юридические дефиниции.

Доктор философских наук, заслуженный профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, религиовед Игорь Кантеров в своей работе «Новые религиозные движения» подробно исследовал природу этого лингвистического фантома. Он указывает, что термин «тоталитарный» был заимствован из политологии и пропаганды времен холодной войны, где он ассоциировался с концентрационными лагерями, колючей проволокой и принудительным трудом. Соединение этого политического ярлыка с вопросами веры и убеждений создало гремучую смесь, лишенную научного смысла, но обладающую огромным потенциалом для запугивания.

Профессор Кантеров констатирует: «Переноса зловещий, пугающий смысл термина “тоталитарный” на область религии, создатели конструкции “тоталитарная секта” рассчитывают таким способом существенно усилить обличительный заряд

имеющихся определений, предваряющих слова “секта” и “культ”. Именно по причине “узнаваемости” термина “тоталитарный” ... и закрепилось употребление этого очень “нехорошего” термина к новым религиозным образованиям».

Ученый подчеркивает, что использование подобной лексики прямо противоречит духу и букве действующего законодательства: «Применение таких терминов к религиозным объединениям, имеющим юридический статус и зарегистрированным органами юстиции, свидетельствует об отсутствии у авторов такого рода материалов элементарных религиоведческих знаний, а также азбучных сведений о нормативных актах, регулирующих деятельность религиозных объединений... Причисление же конкретного религиозного образования к категории, уже в самом наименовании содержащем негативные оттенки, в лучшем случае порождает к такой группе настороженное отношение, а чаще всего дискриминации и преследования последователей верующих. Имеются многочисленные свидетельства неприкрытых гонений на религиозные меньшинства под влиянием публикаций и особенно телепередач о происках сект».

В результате, как отмечает Кантеров, «расплывчатость наименований “тоталитарная секта” и “деструктивный культ” позволяет причислять к таким объединениям практически любое религиозное новообразование, религиозно-философское учение, культурно-образовательное или оздоровительное учреждение».

Возникает закономерный вопрос: если эти термины настолько антинаучны и юридически ничтожны, почему антикультовая сеть, обладающая серьезным лоббистским ресурсом в Государственной Думе и профильных министерствах, за десятилетия своей деятельности так и не инициировала внесение этих понятий в законодательство? Казалось бы, логичным шагом для борцов с «сектами» было бы закрепить это понятие в законе, прописать четкие критерии и действовать строго в правовом поле.

Ответ на этот вопрос дал сам идеолог российского антикультизма Александр Дворкин в одном из публичных выступлений сформулировал предельно откровенно: закреплять термин «секта» в законе, по его мнению, невыгодно, потому что тогда в суде

пришлось бы доказывать соответствие конкретной организации строгому легальному определению, а значительная часть таких дел могла бы быть проиграна.

Это заявление является ключом к пониманию всей судебно-экспертной практики, направленной против инакомыслящих. Идеолог сети прямо признает, что в условиях честного состязательного процесса, где обвинение обязано доказывать соответствие действий обвиняемого строгим критериям закона, они проиграют большинство дел. Доказательств реальных преступлений у них нет. Поэтому юридический термин вводить «категорически нельзя».

Отсутствие легального определения освобождает обвинение от бремени доказывания. Когда в суде рассматривается дело о краже, следствие обязано доказать факт тайного хищения чужого имущества. Когда рассматривается дело об убийстве — факт умышленного причинения смерти. Но когда организация обвиняется в том, что она является «деструктивным культом», следствию не нужно доказывать ничего конкретного, потому что критериев деструктивности в законе не существует. Достаточно принести в суд экспертное заключение, в котором лояльный специалист напишет, что данная группа обладает «признаками сектантства». Судья, не имея возможности опереться на кодекс, опирается на мнение эксперта. Правосудие подменяется лингвистической манипуляцией.

Однако для того, чтобы эта манипуляция приводила к реальным тюремным срокам и ликвидации организаций, антикультовой сети требовались конкретные статьи в Уголовном кодексе, которые были бы сформулированы максимально широко и расплывчато. Идеальным инструментом для этих целей стала статья 239 Уголовного кодекса РФ.

История этой правовой нормы наглядно демонстрирует, как законодательство адаптировалось под нужды репрессивного аппарата. Впервые подобная конструкция появилась в советском праве в 1960 году в виде статьи 227 УК РСФСР «Создание группы, причиняющей вред здоровью граждан». В 1962 году ее редакция была расширена, а название изменено на «Посыгательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов».

В 1993 году статья 227 УК РСФСР была исключена. В новом УК РФ 1996 года близкая по логике норма вернулась уже как статья 239 — «Организация объединения, посягающего на личность и права граждан».

Но ключевая трансформация произошла в 2012 году. Федеральным законом № 121-ФЗ в статью были внесены изменения, после которых ее внутренняя конструкция стала еще более неоднородной и вызвала критику юристов.

Исследователь И. В. Иванишко, анализируя текст обновленной статьи 239 УК РФ, обращает внимание на поразительные терминологические расхождения внутри одной правовой нормы: «В разных частях используется разная терминология: в части 1 — религиозные и общественные объединения; в части 2 — некоммерческие организации (в редакции того времени — в том числе выполняющие функции иностранного агента), структурные подразделения иностранных некоммерческих неправительственных организаций; в части 3 — некоммерческие организации».

Он также указывает на логический разрыв между частями статьи: «часть 3 сформулирована как “участие в деятельности некоммерческой организации, указанной в частях 1 и 2”, хотя понятие “некоммерческая организация” в части 1 вообще не упоминается».

Эта юридическая небрежность не является случайностью. Возникает парадоксальная ситуация: если читать закон буквально, получается, что некоммерческим организациям запрещено посягать на личность и права граждан, тогда как коммерческим структурам это делать не запрещено. Размытость формулировок, смешение понятий «религиозное объединение» и «некоммерческая организация», отсутствие четких критериев того, что именно считается «посягательством на личность» в контексте духовных практик — все это создает идеальную мутную воду, в которой можно выловить любой нужный приговор. Следовательно получает возможность квалифицировать по этой статье практически любую коллективную деятельность, которая не нравится местной администрации или представителям доминирующей конфессии.

Еще более мощным инструментом в арсенале антикультульной сети стало антиэкстремистское законодательство, которое с годами приобретало все более

расширительное толкование. Кульминацией этого процесса стало принятие в 2016 году так называемого «Пакета Яровой» (Федеральный закон № 374-ФЗ от 6 июля 2016 года «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»).

Под предлогом борьбы с международным терроризмом этот пакет законов резко ужесточил регулирование миссионерской деятельности. Он не запретил буквально любую проповедь вне храмов и молитвенных домов, но создал такой режим ограничений, при котором домашние встречи, уличные беседы о вере, распространение приглашений или религиозных материалов и иные формы публичного свидетельства о вере легко стали попадать в зону правового риска, если правоприменитель квалифицировал их как миссионерскую деятельность от имени религиозного объединения.

Закон обязал каждого человека, делящегося своими убеждениями, иметь при себе специальный документ, подтверждающий, что он официально уполномочен своей религиозной организацией на ведение миссионерской деятельности. Более того, ответственность за действия отдельного верующего была возложена на всю общину.

Для антикультовой сети «Пакет Яровой» стал настоящим подарком. Теперь им больше не нужно было пытаться доказать в судах эфемерное «психологическое насилие» или «контроль сознания». Достаточно было зафиксировать факт того, что группа людей собралась на квартире для совместной молитвы или изучения йоги без соответствующих разрешительных бумаг от государства. Правонарушение стало формальным. Расплывчатые формулировки антиэкстремистского законодательства позволили подводить под запрет любую критику традиционных институтов, любые альтернативные философские взгляды и любые формы духовной самоорганизации граждан, не встроены в официальную вертикаль.

Российский исследователь и публицист Кирилл Товбин, специализирующийся на вопросах свободы совести, предельно точно охарактеризовал суть созданной системы: «Дворкин придумал очень серьёзное понятие [тоталитарная секта], наполнил его

определённым смыслом. Этот смысл не выдерживает критики с точки зрения науки, с точки зрения объективности... Дворкин последовательно это понятие использует, и, самое главное, это понятие прочно угнездилось в эшелонах власти. Говоря более грубым языком, Дворкин создал универсальное пугало, с помощью которого можно устранять практически всех критиков современной властной системы в России, будь то религиозное или нерелигиозное движение, потому что Дворкин очень остроумно, я бы даже сказал, талантливо говорит о коммерческих культах, говорит о Herbalife, говоря о пылесосах Kirby...».

Товбин обращает внимание на то, что этот тревожный климат, порожденный искусственными терминами, выходит далеко за рамки чисто религиозных споров. Он становится инструментом государственного протекционизма, формируя в обществе жесткое деление на «своих» и «чужих», где любой человек, находящийся вне официально одобренной системы координат, воспринимается как разрушительный агент.

В условиях такого правового вакуума, когда законы написаны максимально широко, а термины не имеют легальных определений, ключевой фигурой судебного процесса становится эксперт. Именно он должен перевести абстрактные подозрения следователя на язык юридических фактов. И здесь мы сталкиваемся с еще одной фундаментальной проблемой — абсолютной процессуальной неуязвимостью авторов заказных экспертиз.

Статья 307 Уголовного кодекса РФ предусматривает суровое наказание за дачу заведомо ложного заключения эксперта. В теории эта норма должна служить надежным фильтром, отсеивающим недобросовестных специалистов и защищающим граждан от фабрикаций доказательств. Однако на практике, в сфере гуманитарных экспертиз (лингвистических, религиоведческих, психологических), эта статья применяется крайне редко.

Причина кроется в самом устройстве правового вакуума. Чтобы привлечь эксперта по статье 307 УК РФ, следствию необходимо доказать его «заведомый умысел». То есть нужно неопровержимо установить, что эксперт знал объективную истину, но сознательно написал в заключении ложь. В точных науках это возможно: если химик

видит в пробирке сахар, но пишет в заключении «героин», его умысел доказуем. Но как доказать умысел религиоведа или лингвиста, который анализирует текст молитвы или устав общины?

Поскольку закон не определяет, что такое «деструктивный культ», эксперт всегда может заявить, что его вывод — это результат его личного научного убеждения, его авторской методологии или принадлежности к определенной академической школе. «Я как ученый считаю, что эта группа обладает признаками тоталитарной секты», — говорит эксперт. И правоохранительная система бессильна. Невозможно криминализировать субъективную интерпретацию термина, который сам по себе не имеет легальных границ. Эксперт находится под абсолютной защитой той самой терминологической пустоты, которую он эксплуатирует.

Понимая эту уязвимость, адвокаты обвиняемых в подобных процессах регулярно пытаются восстановить баланс состязательности. В ходе судебных заседаний защита систематически заявляет ходатайства о назначении повторных или дополнительных комплексных экспертиз. Адвокаты просят суд направить материалы дела не в сомнительные региональные центры, а в ведущие, признанные академические институты страны — в профильные институты Российской академии наук, на кафедры религиоведения и лингвистики крупнейших государственных университетов.

Логика защиты безупречна: если речь идет о сложнейших вопросах теологии, древних языков или социальной психологии, оценивать их должны ученые с мировым именем, чья репутация не вызывает сомнений, а методология прозрачна и верифицируема.

Однако судебная практика демонстрирует пугающее единообразие. Суды систематически, из процесса в процесс, отклоняют ходатайства защиты о проведении независимых экспертиз в ведущих академических институтах. В протоколах судебных заседаний раз за разом фиксируется стандартная формулировка отказа: «У суда нет оснований сомневаться в компетенции эксперта, проводившего первоначальное исследование. Эксперт предупрежден об уголовной ответственности по статье 307 УК РФ, имеет соответствующее образование и стаж работы».

Судья отдает предпочтение проверенным специалистам антикультовой сети, чьи заключения уже лежат в материалах дела. Результат такого выбора предсказуем: независимое академическое заключение могло бы разрушить всю конструкцию обвинения, тогда как сохранение в деле уже имеющейся экспертизы позволяет не пересматривать исходные предпосылки следствия.

Поэтому суд выбирает путь наименьшего сопротивления. Он принимает экспертизу антикультистов, закрывает глаза на ее методологическую несостоятельность и переносит выводы эксперта в текст приговора. Правовой вакуум заполняется псевдонаучной риторикой, которая силой государственного принуждения обретает статус непререкаемой истины.

Важно понимать, что стремление радикальных идеологических групп использовать правовые лазейки для подавления инакомыслия не является исключительно российской аномалией. Анализ международных прецедентов показывает, что антикультовые движения во всем мире действуют по схожим алгоритмам, пытаясь внедрить в законодательство размытые нормы, позволяющие преследовать людей за их убеждения.

Показательным примером в этом отношении является история правовой борьбы в Италии. В послевоенной Италии, несмотря на республиканскую конституцию, долгое время сохранялся климат религиозной нетерпимости к меньшинствам. В уголовном кодексе страны, доставшемся в наследство от фашистского режима Бенито Муссолини, существовала специфическая статья, карающая за «порабощение разума» (*plagio*). Эта норма была сформулирована настолько широко, что позволяла обвинить любого харизматичного лидера или проповедника в том, что он подавляет волю своих последователей, даже если сами последователи категорически отрицали факт принуждения.

Переломный момент в итальянской юриспруденции наступил в 1981 году. Поводом стало громкое уголовное дело против католического священника дона Эмилио Грассо, основателя общины *Redemptor Hominis*. Несколько родителей, недовольных тем, что их совершеннолетние дети решили посвятить жизнь служению в этой общине, обвинили священника в «промыывании мозгов» и психологическом манипулировании.

Дело дошло до Конституционного суда Италии. Рассмотрев материалы, суд вынес историческое решение № 96. Конституционный суд постановил, что преступление «порабощения разума» является антиконституционным, поскольку его невозможно объективно доказать или измерить. Судьи указали, что в свободном демократическом обществе невозможно провести четкую правовую границу между нормальным психологическим влиянием (которое присутствует в любой религии, политической партии или семье) и преступным «порабощением». Статья была отменена, а дон Эмилио Грассо полностью оправдан.

Это решение стало триумфом права над идеологией. Суд признал, что уголовный закон не может оперировать недоказуемыми психологическими абстракциями. Однако именно после этого решения в Италии начали массово появляться антикультовые ассоциации. Лишившись удобного инструмента репрессий, они начали агрессивную кампанию, жалуясь на якобы существующую «брешь в законе» и требуя возвращения статьи о порабощении разума.

Итальянские антикультисты, как и их российские коллеги, не хотели действовать в рамках нормального уголовного права, где нужно доказывать факты мошенничества, насилия или неуплаты налогов. Им нужна была статья за «мыслепреступление», за неправильное влияние, за сам факт существования альтернативной духовности.

Бруно Замбон, один из активистов итальянской антикультовой структуры S.A.S., в своем письме от 28 апреля 2012 года предельно откровенно сформулировал этот менталитет крестового похода: «Мы должны противостоять силе врага... Даже если в итоге останемся в одиночестве и будем заклеены как сумасшедшие фанатики». Для этих людей любой, кто не разделяет их взгляды или осмеливается беспристрастно изучать альтернативные формы духовности, автоматически становится врагом, подлежащим уничтожению любыми средствами.

Итальянский опыт наглядно демонстрирует: когда правовая система находит в себе силы закрыть лазейки для произвола и требует строгих доказательств, антикультовая идеология терпит крах в судах. Но там, где государство сознательно оставляет законы размытыми, где термины лишены определений, а суды отказываются слушать независимых академических ученых, возникает идеальная среда для террора.

В этом правовом вакууме слова теряют свой словарный смысл и становятся просто инструментами поражения в правах. Человек может не совершить ни одного насильственного действия, исправно платить налоги и соблюдать общественный порядок, но если в кабинете следователя на стол ляжет бумага, в которой его убеждения будут названы «деструктивными», государственная машина придет в движение. И в этот момент ни Конституция, гарантирующая свободу совести, ни презумпция невиновности не смогут защитить его от системы, которая научилась виртуозно использовать пустоты в законе для уничтожения человеческих судеб. На страницах уголовных дел остаются лишь подписи экспертов, подтверждающие то, чего не существует в правовой природе, но что обладает абсолютной властью разрушать реальные жизни.

Глава 7. Цена ярлыка

Бумажный документ, скрепленный синей печатью и изобилующий сложными академическими терминами, обладает одним обманчивым свойством: он выглядит стерильно. В тишине судебных кабинетов, где перекладываются тома дел и зачитываются мотивировочные части решений, насилие кажется абстрактным, сведенным к сухим формулировкам параграфов и статей. Однако у каждого экспертного заключения, у каждой газетной публикации, клеймящей очередную группу людей, есть свой физический эквивалент в реальном мире. Рано или поздно слова покидают пределы бумаги. Они материализуются в виде выбитых дверей, разбитых окон, наручников, разрушенных семей и сломанных человеческих судеб.

Переход от лингвистической стигматизации к физическому насилию никогда не бывает спонтанным. Это закономерный финал процесса дегуманизации, в котором общество и государство, обработанные многолетней пропагандой, перестают видеть в стигматизированной группе людей, наделенных базовыми правами. Когда на человека навешивается ярлык «сектанта», он выводится за рамки общественного договора. С этого момента по отношению к нему становятся допустимыми действия, которые в

любой другой ситуации вызвали бы всеобщее возмущение и немедленную реакцию правоохранительных органов.

Чтобы понять механику того, как медийная демонизация, инициированная самопровозглашенными экспертами, напрямую конвертируется в массовую гибель людей, необходимо обратиться к прецеденту, который навсегда изменил ландшафт взаимодействия государства и религиозных меньшинств. Весна 1993 года, Соединенные Штаты Америки, штат Техас. Трагедия, разыгравшаяся на ранчо Маунт-Кармел близ города Уэйко, стала не просто национальной катастрофой, но и эталонной демонстрацией того, к чему приводит слепое доверие силовых структур к антикультовым идеологам.

Религиозная группа «Ветвь Давидова», возглавляемая Дэвидом Корешем, представляла собой обособленную общину, члены которой десятилетиями мирно проживали на своей территории, следуя собственным теологическим убеждениям. Они не нарушали законов, вели замкнутый образ жизни и не представляли угрозы для окружающего общества. Однако именно эта закрытость и нестандартность религиозной практики сделали их идеальной мишенью для агрессивной информационной кампании.

Одним из самых заметных внешних анти-культовых комментаторов вокруг Уэйко был Рик Алан Росс — человек, называвший себя «депрограммистом» и экспертом по культам, тесно связанный со скандально известной организацией «Сеть осведомлённости о культах» (Cult Awareness Network, CAN). Росс и его соратники развернули в прессе беспрецедентную кампанию по расчеловечиванию общины. В медийное пространство непрерывным потоком вбрасывались пугающие нарративы: общину обвиняли в незаконном хранении огромных арсеналов оружия, в подготовке к массовому самоубийству и, что самое страшное, в систематическом насилии над детьми.

Эти обвинения транслировались на всю страну, несмотря на то что местный шериф официально заявлял об отсутствии каких-либо доказательств насилия над несовершеннолетними, а сам Дэвид Кореш неоднократно предлагал представителям правоохранительных органов лично посетить ранчо, осмотреть оружие и проверить лицензии на него. Но факты уже не имели значения. Антикультисты умело внедрились в

сознание общественности и, что критически важно, в сознание руководства федеральных агентств образ Кореша как безумного лидера смертоносного культа, а жителей ранчо — как зомбированных фанатиков.

Вместо обычного исполнения ордеров в минимально рискованной форме Бюро по контролю за алкоголем, табаком и огнестрельным оружием (ATF) выбрало тактику «динамичного вторжения» — военизированного штурма с использованием вертолетов и тяжелого вооружения. Первоначальный рейд 28 февраля 1993 года привел к перестрелке и гибели людей с обеих сторон, после чего началась изнурительная 51-дневная осада ранчо силами ФБР.

На протяжении всей осады Рик Росс имел беспрецедентный доступ к руководству силовых структур. В записках ФБР, на которые позднее ссылалась социолог религии Нэнси Аммерман, отмечалось, что Росс «испытывает личную ненависть ко всем религиозным культам» и готов помогать правоохранителям в попытках «destroy a cult». На своем собственном сайте Росс впоследствии с гордостью зафиксировал свою роль:

«В 1993 году консультировал Бюро по контролю за алкоголем, табаком и огнестрельным оружием (BATF) и Федеральное бюро расследований (ФБР) по вопросу Уэйко-Давидианцев».

Критики действий правительства — от исследователей религии до участников позднейших слушаний в Конгрессе — указывали, что силовики слишком мало слушали квалифицированных специалистов по религии и слишком охотно воспринимали анти-культовые схемы интерпретации. Вместо диалога силовики все чаще переходили к тактике жесткого психологического давления. Ранчо круглосуточно освещали прожекторами, через мощные динамики транслировали музыку, шумы, тибетское пение, звуки скрежета и даже крики забиваемых кроликов, лишая осажденных сна и доводя их до нервного истощения.

В глазах значительной части публики и части силового аппарата на ранчо находились уже не просто верующие семьи, а безликие «сектанты», готовые к новому Джонстауну. Нарратив Росса сработал безупречно: он резко снизил эмпатию к людям внутри комплекса и сузил пространство для политически приемлемого мирного исхода.

Развязка наступила 19 апреля 1993 года. ФБР начало финальную фазу операции с использованием бронемашин CEV и Bradley, которые вводили в здания слезоточивый газ CS и пробивали проемы в стенах. Вскоре в нескольких местах комплекса одновременно вспыхнул пожар. Официальные отчеты DOJ и последующее расследование Дэнфорта возложили ответственность за поджог на людей внутри комплекса, хотя общественные споры о причинах пожара продолжались еще много лет. В результате событий 19 апреля погибли 76 давидианцев; с учетом шести погибших 28 февраля общее число погибших членов общины составило 82, а вместе с четырьмя погибшими агентами ATF — 86 человек. В числе погибших 19 апреля были дети; в разных источниках их число указывается как 25 или 28.

Последствия этой катастрофы фиксировались с пугающей бюрократической холодностью: после пожара место происшествия неделями разбирали техасские рейнджеры и федеральные специалисты, проводились автопсии, идентификация тел и отдельное расследование причин пожара.

Трагедия в Уэйко стала хрестоматийным примером того, как язык о “культах”, “промывании мозгов” и “иррациональных фанатиках” способен деформировать и общественное восприятие, и тактику государства. Именно поэтому многие исследователи религии позднее рассматривали Уэйко как предостережение против слепого доверия анти-культовым экспертам.

Опыт Уэйко доказал: если убедить силовиков в том, что перед ними не граждане, а «зомбированные адепты деструктивного культа», уровень применяемого государственного насилия становится безграничным. Этот страшный урок был тщательно усвоен и адаптирован антикультовыми сетями в других странах, в первую очередь в России, где деятельность организации РАЦИРС под руководством Александра Дворкина стала идеологической базой для массовых репрессий.

В России процесс перехода от газетной клеветы к реальным тюремным срокам занял несколько десятилетий планомерной работы. Мишенью стали десятки мирных религиозных течений, но наиболее масштабный и трагический удар был нанесен по организации Свидетелей Иеговы. Эта конфессия, известная своей политической

нейтральностью и давней традицией отказа от военной службы по убеждениям, парадоксальным образом была объявлена экстремистской.

С подачи главных идеологов антикультовых организаций, при активной публичной поддержке представителей доминирующей конфессии, называвших верующих «раковой опухолью», была запущена машина государственного преследования. Кульминацией этой кампании стало решение Верховного суда России от 20 апреля 2017 года о ликвидации организации «Свидетели Иеговы» и конфискации ее имущества. С этого момента сотни тысяч верующих оказались в положении, при котором обычные формы коллективного богослужения и религиозной самоорганизации начали трактоваться как продолжение деятельности запрещенной экстремистской организации.

То, что последовало за этим решением, живо напомнило самые мрачные страницы истории двадцатого века. По всей стране прокатилась волна ночных обысков, арестов и судебных процессов. Правоохранительные органы, вооруженные антикультовыми методичками, действовали с показательной, ничем не оправданной жестокостью по отношению к людям, чья единственная «вина» заключалась в совместном чтении Библии и песнопениях.

Сухие статистические данные скрывают за собой бездну человеческого горя. По данным USCIRF, к маю 2025 года более 860 Свидетелей Иеговы были привлечены в России к уголовной ответственности, а около 180 находились в заключении, под арестом или на принудительных работах. Конфессиональный мониторинг в январе 2026 года фиксировал уже 906 фигурантов уголовного преследования, 665 приговоров и 179 человек в заключении; официальный сайт JW.ORG в марте 2026 года сообщал о 171 заключенном «за веру» в России.

Физическая реальность этих репрессий далека от стерильности залов судебных заседаний. Она измеряется выбитыми дверями, кровью и унижениями. Показательной является история семьи Калиных, чья жизнь была разрушена в одночасье. Свидетельства очевидцев этого рейда не оставляют сомнений в том, что силовики воспринимали мирных верующих не как граждан, а как опасных террористов, лишенных права на человеческое обращение:

«В дом Калиных силовики ворвались ранним утром в октябре 2021-го, выломав окно в кухне, хотя верующие даже не запирали входную дверь. Осколки оконного стекла рассыпались по полу — на них повалили 52-летнего Ярослава, из его пораненных рук и ног потекла кровь. На мужчину надели наручники и запретили одеваться. “Когда мы попросили вызвать адвоката — над нами просто посмеялись”, — говорит дочь Ярослава Светлана. Осколки стекла из своего тела сын жертв репрессий, сам ставший жертвой, извлекал уже в СИЗО. На жалобы, которые подавали его дочь и зять, СК и полиция отвечали отказами».

Пятидесятидвухлетний мужчина, лежащий в крови на битом стекле собственной кухни в наручниках, лишенный права на адвоката и медицинской помощи — это и есть истинная цена ярлыка «тоталитарная секта». Это один из наглядных результатов многолетней кампании, при которой мирных верующих начали воспринимать как заведомо опасную категорию граждан. Когда жертва расчеловечена, смех оперативников в ответ на просьбу о законной защите становится нормой.

Однако репрессивная машина, запущенная антикультовой сетью, не ограничивается лишь уголовным преследованием взрослых. Самый страшный, самый циничный удар наносится по наиболее уязвимой части общества — по детям. Разрушение семей и изъятие детей стало одним из главных инструментов давления и шантажа, применяемых к стигматизированным группам.

В ноябре 2017 года Пленум Верховного суда РФ действительно разъяснил, что вовлечение детей в деятельность запрещенных общественных или религиозных организаций может рассматриваться как злоупотребление родительскими правами и в крайних случаях вести к их лишению. Именно эта формулировка вызвала сильный эффект запугивания среди семей Свидетелей Иеговы и других преследуемых религиозных меньшинств.

Страх за своих детей становится постоянным, парализующим фоном жизни для тысяч семей. Родители живут в ожидании того, что в любой момент в их дверь могут постучать сотрудники службы опеки, сопровождаемые полицией. Этот страх ломает людей эффективнее любых тюремных сроков. Антикультисты прекрасно осознают эту уязвимость и активно используют ее, инициируя проверки семей верующих, направляя

доносы в школы и органы опеки, обвиняя родителей в том, что их религиозные практики якобы наносят вред психическому здоровью ребенка.

Зафиксированы многочисленные случаи, когда экспертные заключения, подготовленные представителями антикультовой сети, использовались в бракоразводных процессах как решающее оружие для лишения одного из родителей прав на воспитание ребенка. Достаточно одному из супругов заявить, что второй посещает собрания «секты» или работает в компании, внесенной антикультистами в их черные списки, как в суд немедленно предоставляются многостраничные псевдонаучные заключения. В этих бумагах утверждается, что родитель «зомбирован», находится под «контролем сознания» и представляет экзистенциальную угрозу для собственного малыша. Суды, загипнотизированные печатями и наукообразной риторикой, регулярно встают на сторону обвинителя, навсегда разлучая матерей и отцов с их детьми.

В тени анти-культового движения долго существовала практика так называемого «депрограммирования» и принудительной «реабилитации». На Западе она возникла в 1970-х годах и к 1990-м была в значительной степени дискредитирована судами как форма незаконного лишения свободы и насилия: показателен здесь процесс Scott v. Ross / Cult Awareness Network. В России же анти-культовая среда институционализировала идею «помощи пострадавшим от сект» через специальные центры и консультационные структуры.

Суть этой схемы представляет собой форму заказного насилия. Родственники совершеннолетнего человека, напуганные агрессивной антисектантской пропагандой в СМИ, обращаются за помощью в структуры, аффилированные с антикультовой сетью. Им внушают, что их близкий человек потерял волю, превратился в биоробота и нуждается в немедленном спасении, которое оправдывает любые средства. За значительное финансовое вознаграждение организуется похищение: человека силой заталкивают в машину, увозят в неизвестном направлении и помещают в закрытый «реабилитационный центр».

В этих центрах, часто действующих под вывеской благотворительных или религиозных организаций, похищенные люди подвергаются жесткому

психологическому, а порой и физическому давлению. Цель этого давления — заставить человека отказаться от своих убеждений, признать свою группу «деструктивным культом» и публично покаяться. Любое сопротивление, любые попытки апеллировать к закону или здравому смыслу интерпретируются тюремщиками как симптом «измененного сознания» — дополнительное доказательство того, что жертва глубоко больна и нуждается в продолжении изоляции.

Помимо организованного коммерческого насилия, деятельность антикультовой сети порождает еще один, возможно, самый неконтролируемый и страшный феномен — низовой террор. Агрессивная риторика, льющаяся с экранов телевизоров и страниц газет, легитимизирует физическое насилие по отношению к представителям стигматизированных групп со стороны обычных граждан. Когда авторитетные «эксперты» изо дня в день повторяют, что рядом с вами живут опасные сектанты, разрушающие общество, у людей с нестабильной психикой или склонностью к агрессии срываются моральные тормоза.

Жизнь семьи, оказавшейся под прицелом антикультовой кампании, превращается в ежедневный кошмар. Процесс социального ostracism запускается стремительно и беспощадно. Вчерашние друзья, соседи и коллеги, поддавшись искусственно раздуваемой панике, внезапно меняют свое отношение. В родительских чатах начинают циркулировать слухи и ссылки на клеветнические статьи. Учителя в школах начинают предвзято относиться к детям из таких семей, занижая оценки и закрывая глаза на травлю со стороны сверстников. Родители других учеников требуют изолировать этих детей, перевести их в другой класс или исключить из школы.

Взрослые члены таких семей сталкиваются и с профессиональной дискриминацией. По данным Forum 18, после запрета Свидетелей Иеговы были случаи увольнений и принуждения к увольнению, а в одном из эпизодов силовики прямо требовали, чтобы на предприятии «экстремисты» больше не работали.

Но социальная изоляция — это лишь первый этап. За ним неизбежно следует физическая агрессия. В атмосфере безнаказанности, когда жертва заранее объявлена врагом общества, насилие становится лишь вопросом времени. Например, уже в первые месяцы после запрета Свидетелей Иеговы международные и правозащитные источники

фиксируют нападения на их здания, поджоги домов, акты вандализма и прямые угрозы верующим.

Самым пугающим в этой ситуации было не само преступление, а реакция на него. Местные средства массовой информации, освещая этот инцидент, фактически оправдывали действия преступников тем, что пострадавшая была членом одной из «сект». Журналисты, воспитанные на нарративах Дворкина и его последователей, транслировали обществу страшный посыл: насилие по отношению к этим людям допустимо, они сами виноваты в том, что спровоцировали гнев «нормальных» граждан своими убеждениями.

Этот механизм перекладывания вины с агрессора на жертву является классическим признаком глубоко больного общества. Когда избиение пожилой женщины или поджог дома верующей семьи не вызывают всеобщего шока и немедленного осуждения, а встречают понимание или равнодушие, это означает, что процесс дегуманизации достиг своей цели. Антикультистам удалось убедить общество в том, что перед ними не люди, а абстрактные носители опасной идеологии, уничтожение которых является актом социальной санитарии.

Каждое разбитое окно, каждая сломанная карьера, каждый ребенок, плачущий от издевательств одноклассников, и каждый верующий, закованный в наручники на полу собственной кухни — это прямые дивиденды той системы, которая годами выстраивалась в тиши кабинетов и на кафедрах псевдонаучных центров. Слова, произнесенные на конференциях, и подписи, поставленные под экспертными заключениями, обладают колоссальной кинетической энергией. Они пробивают стены домов, разрывают родственные связи и калечат тела.

Вглядываясь в лица тех, кто отдает приказы на штурм, кто пишет доносы на соседей, кто забирает детей у матерей и кто равнодушно проходит мимо избитого человека, мы видим не просто исполнителей. Мы видим общество, которое добровольно согласилось обменять базовые принципы человечности на иллюзию безопасности, предложенную торговцами страхом. И в этой сделке цена ярлыка всегда оплачивается кровью и сломанными судьбами тех, кто оказался по другую сторону искусственно проведенной черты.

Остается лишь один вопрос, который повисает в воздухе над пепелищем в Уэйко, над осколками стекла в квартире семьи Калиных и над тысячами безымянных судебных решений об изъятии детей: где проходит та граница, за которой общество, позволившее безнаказанно расчеловечить меньшинство, само окончательно теряет человеческий облик?

Глава 8. Эрозия институтов

Строгие коридоры государственных ведомств, кабинеты следователей, залы судебных заседаний и академические аудитории традиционно воспринимаются обществом как пространства, свободные от частных идеологических пристрастий. Сама архитектура власти — униформа, гербы, строгий регламент процедур — призвана транслировать идею абсолютной беспристрастности. Государство обладает монополией на легитимное насилие и установление правовой истины, и эта монополия оправдана лишь до тех пор, пока институты действуют в рамках объективного закона. Однако при внимательном изучении процессов, инициированных против инакомыслящих групп, обнаруживается пугающая аномалия. Невидимая, но фундаментальная граница между светским государством и радикальной частной идеологией оказалась стертой.

Проникновение представителей антикультовой сети в государственные структуры происходило не одномоментно и в ряде случаев шло через систему общественных, экспертных и консультативных площадок при государственных органах. Изначально эти советы создавались как инструмент гражданского контроля, призванный обеспечить прозрачность работы Министерства внутренних дел, Министерства юстиции и других правоохранительных структур. Предполагалось, что авторитетные представители общественности будут следить за соблюдением прав граждан. На практике же эти площадки были виртуозно трансформированы антикультистами в командные пункты для продвижения собственных интересов и легитимации репрессий.

Получив статус членов экспертных и общественных советов, идеологи нетерпимости обрели существенный доступ к формированию мировоззрения сотрудников правоохранительных органов. Возник колоссальный конфликт интересов, который система предпочла не заметить. Люди, чья публичная деятельность строится на стигматизации десятков официально зарегистрированных организаций, получили право официально консультировать тех самых силовиков, которые должны обеспечивать равные права всех граждан.

Особую тревогу вызывает практика проведения специализированных лекций и семинаров для сотрудников полиции, курсантов ведомственных академий и представителей спецслужб. В ходе этих закрытых мероприятий антикультисты, выступая уже не как маргинальные активисты, а как приглашенные государством лекторы, транслируют свои взгляды людям в погонах. Они обучают силовиков распознавать так называемую «сектантскую угрозу», используя псевдонаучные критерии и откровенно манипулятивные образы.

Один из видных деятелей антикультового движения, Александр Новопашин, предельно откровенно описывает эту практику, не видя в ней никакого противоречия со светским характером государства. В своем публичном заявлении он констатирует: «Я три десятка лет занимаюсь миссионерской деятельностью... Изучение новых религиозных движений, распространение информации о серьёзной опасности, исходящей от этих организаций, участие в региональных и российских конференциях на тему современного сектантства, проведение лекций, консультаций, бесед — в том числе с родственниками людей, оказавшихся в той или иной секте, с самими сектантами — это тоже миссионерство....».

Когда подобное «миссионерство» осуществляется в стенах полицейских управлений, происходит фундаментальная деформация профессионального сознания правоохранителей. Молодой следователь или оперативник, слушая лекцию человека, наделенного авторитетом консультанта МВД, перестает воспринимать представителей меньшинств как полноправных граждан. В его сознании формируется устойчивый образ внутреннего врага. Правоохранительная система, призванная защищать закон, начинает обслуживать идеологический заказ. Полицейский, поддавшийся этому влиянию, идет на обыск или задержание не с целью пресечения реального преступления, а с внутренней

установкой на уничтожение социальной группы, которую ему заранее обозначили как деструктивную. Государство добровольно сдает свои позиции, позволяя частным лицам использовать силовой аппарат как инструмент для сведения мировоззренческих счетов.

Однако было бы ошибкой полагать, что все сотрудники правоохранительных органов и судьи являются слепыми фанатиками, искренне поверившими в антикультовую пропаганду. Гораздо более разрушительным для правовой системы является феномен институционального цинизма.

Современная правоохранительная машина функционирует на основе жесткой ведомственной статистики. Карьерный рост, премии, звания и благополучие следователя напрямую зависят от количества раскрытых дел и направленных в суд обвинительных заключений. Расследование реальных, сложных экономических преступлений или коррупционных схем требует колоссальных интеллектуальных усилий, времени и всегда сопряжено с риском столкнуться с сильным противодействием. В этих условиях дела, инициированные против мирных философских или религиозных групп, становятся для силовиков идеальным способом улучшить статистические показатели с минимальными затратами.

Антикультовая сеть предлагает правоохранительной системе своеобразную услугу «под ключ». Активисты сами находят мишень, сами организуют предварительную информационную кампанию в региональной прессе, создавая видимость общественного возмущения, и, что самое главное, сами предоставляют готовых экспертов, которые напишут нужное заключение. Следователю остается лишь формально оформить процессуальные документы.

В кабинетах Следственного комитета и прокуратуры прекрасно понимают истинную цену этих дел. Опытный юрист, читая материалы, в которых совместное чаепитие и чтение древних текстов квалифицируются как «посягательство на личность», осознает абсурдность обвинения. Он видит, что доказательная база строится исключительно на лингвистических натяжках и показаниях ангажированных свидетелей. Но институциональный цинизм диктует свои правила: если дело гарантированно пройдет через суд, если оно принесет очередную «палочку» в отчетность ведомства, вопросы профессиональной этики и объективной истины отходят на второй план.

Следователь подписывает обвинительное заключение, зная, что оно сфабриковано. Прокурор утверждает его, понимая, что реального состава преступления нет. Судья выносит обвинительный приговор, осознавая, что представленная экспертиза не выдерживает научной критики. Вся цепочка правосудия превращается в пустой ритуал, имитацию законности. Каждый участник этого процесса снимает с себя личную ответственность, перекладывая ее на систему в целом. «У меня статистика», «у меня приказ», «есть заключение эксперта» — эти фразы становятся универсальным оправданием для разрушения человеческих жизней.

Этот цинизм разъедает правоохранительную систему изнутри. Когда офицеры привыкают фабриковать дела против заведомо невиновных, мирных людей, они теряют профессиональную квалификацию. Система, настроенная на преследование за слова и убеждения, неизбежно деградирует, теряя способность противостоять реальной преступности. Доверие общества к человеку в форме падает до критической отметки, поскольку граждане начинают понимать: закон больше не защищает их, он стал пластичным инструментом в руках тех, кто имеет доступ к формированию ведомственной повестки.

Эрозия институтов не ограничивается лишь силовым блоком. Не менее катастрофические последствия наблюдаются в сфере академической науки. Университеты и исследовательские институты исторически выполняли функцию независимых арбитров в сложных вопросах социологии, психологии и религиоведения. Научный метод, основанный на верифицируемости, объективности и независимости от политической конъюнктуры, должен был служить надежным фильтром против мракобесия и идеологических манипуляций.

Но когда государственная машина начинает нуждаться в псевдонаучном обосновании репрессий, настоящая наука становится помехой. В судебных процессах против инакомыслящих регулярно возникает ситуация, когда сторона защиты представляет фундаментальные исследования, подготовленные докторами наук, профессорами ведущих государственных университетов и сотрудниками институтов Российской академии наук. Эти документы, написанные строгим академическим языком, камня на камне не оставляют от обвинительных конструкций антикультистов.

Они доказывают отсутствие экстремизма, объясняют исторический контекст текстов и указывают на недопустимость использования ярлыков в правовом поле.

Реакция судебной системы на эти академические труды демонстрирует глубину институционального кризиса. Суды нередко игнорируют мнения признанных ученых. Ходатайства о приобщении независимых экспертиз отклоняются под формальными предложениями. Судья, не имеющий профильного образования, берет на себя смелость отвергать выводы академиков РАН, отдавая предпочтение бумагам, подписанным активистами антикультовых центров, чья квалификация зачастую ограничивается сомнительными дипломами или вовсе отсутствует.

Это систематическое игнорирование приводит к маргинализации настоящей науки. Государство фактически посылает академическому сообществу недвусмысленный сигнал: объективная истина больше не востребована, востребована идеологическая лояльность. Ученые, пытающиеся сохранить профессиональную честность и выступающие в защиту стигматизированных групп, сами становятся объектами травли. Их обвиняют в «пособничестве сектантам», их имена полощут в желтой прессе, на руководство университетов оказывается давление с требованием уволить неугодных профессоров.

В результате в академической среде возникает эффект охлаждения. Многие серьезные исследователи предпочитают дистанцироваться от острых тем, уходят во внутреннюю эмиграцию, отказываются проводить экспертизы по резонансным делам, опасаясь за свою карьеру и репутацию. Образовавшийся вакуум немедленно заполняется конъюнктурщиками и псевдоучеными. Отдельные аффилированные с антикультовой средой площадки начинают фактически работать как поставщики удобных следствию заключений. Происходит девальвация ученых степеней и званий. Когда диплом кандидата наук используется исключительно как прикрытие для легализации ненависти, сам институт высшего образования теряет свой смысл и авторитет в глазах общества.

Но самым мрачным и пугающим проявлением институциональной эрозии является риск возврата в правоприменительную практику методов, напоминающих карательную психиатрию. Медицина, чье главное предназначение закреплено в клятве

Гиппократ — «не навреди», — вновь, как и в самые темные периоды советской истории, превращается в инструмент политического и идеологического сыска.

Использование психиатрии для подавления инакомыслия имеет глубокие исторические корни. Известный советский диссидент и правозащитник Александр Подрабинек в своей фундаментальной работе «Карательная медицина» дал точное определение этому явлению: «Карательная медицина — орудие борьбы с инакомыслящими, которых невозможно репрессировать на основании закона за то, что они мыслят иначе, чем это предписано». В закрытом обществе, где власть пытается сохранить видимость законности, отсутствие реальных доказательств вины компенсируется фальсификацией медицинских диагнозов. Человека объявляют невменяемым, лишая его не только свободы, но и самого права на субъектность, права защищать себя в суде.

Риторика антикультавой сети создает для таких практик удобную почву. В ней постоянно фигурируют термины «контроль сознания», «психологическое программирование» и «деструктивное воздействие на психику». Эти псевдомедицинские концепции могут использоваться для того, чтобы убеждать правоохранительные органы и суды в необходимости принудительного психиатрического освидетельствования обвиняемых. Логика манипуляторов проста: если человек верит во что-то, что не укладывается в рамки официальной доктрины, значит, он психически нездоров или подвергся гипнотическому воздействию.

В ряде дел следствие действительно прибегает к этому инструменту. Назначение судебно-психиатрической экспертизы становится способом сломать волю обвиняемого, оказать на него колоссальное психологическое давление и дискредитировать его в глазах общества. Помещение здорового человека в условия закрытого психиатрического стационара, даже на период обследования, является формой изощенной пытки.

Вопиющим примером того, до какой степени абсурда и жестокости может прийти система, использующая психиатрию как карательный инструмент, является дело Александра Сизикова. Этот случай, произошедший в июле 2020 года в Крыму, обнажает полный паралич правовой логики и человеческой эмпатии в структурах, пораженных вирусом идеологического преследования.

Александр Сизиков — инвалид первой группы по зрению, полностью потерявший зрение после ДТП в 2009 году. 7 июля 2020 года сотрудники ФСБ провели обыск и задержали его, после чего обвинили в организации деятельности ячейки «Хизб ут-Тахрир» — организации, признанной террористической в Российской Федерации. Следствие ссылалось не только на найденную религиозную литературу, но и на утверждения об участии Сизикова в собраниях, обсуждении религии и политики и вербовке новых участников.

Следствие не смутил тот очевидный, физиологический факт, что найденные книги были напечатаны обычным типографским шрифтом, без использования тактильного шрифта Брайля. Слепой человек физически не мог прочитать эти тексты с момента потери зрения одиннадцать лет назад. В любой функционирующей правовой системе дело должно было бы как минимум вызвать элементарные вопросы к качеству и добросовестности обвинительной конструкции.

Однако институциональный цинизм, проявившийся в этом деле, оказался паразитическим даже по меркам уже деградировавшей системы. Понимая, насколько уязвимо выглядит обвинение против полностью слепого человека, следствие добилось его направления на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу — для «клинического диагностического обследования» и решения экспертных вопросов.

Речь шла о человеке, не обвинявшемся в совершении насильственных действий, полностью зависевшем от привычной домашней среды и посторонней помощи. Тем не менее его изъяли из этой среды и поместили в закрытое психиатрическое учреждение. В таком контексте медицинская процедура выглядела уже не как нейтральный инструмент установления истины, а как форма процессуального давления, придающая репрессивному решению видимость законности.

Этот прецедент является страшным симптомом. Он показал, что медицинские учреждения, проводящие подобные экспертизы по заказу силовых структур, утратили свою независимость. Он показал, насколько легко медицинские механизмы могут быть встроены в репрессивную логику, если профессиональная автономия уступает место ведомственным интересам. В подобных обстоятельствах судебно-психиатрическая

экспертиза перестает выглядеть независимым инструментом и начинает восприниматься как часть системы давления.

Александр Солженицын, описывая советскую практику карательной психиатрии, предупреждал: «захват свободомыслящих в сумасшедшие дома есть духовное убийство, это вариант газовой камеры, и даже более жестокий...». Возрождение этой практики в двадцать первом веке, при активном идеологическом сопровождении антикультовых структур, свидетельствует о глубочайшей деградации государственных институтов.

Когда силовые структуры слушают лекции идеологов о том, кого следует считать врагом; когда следователи ради статистики штампуют дела на основе выдуманных экспертиз; когда суды отворачиваются от академической науки; когда психиатрические больницы открывают свои двери для политических узников — государство перестает быть гарантом безопасности. Институты, созданные для защиты общества, мутируют, превращаясь в угрозу для собственных граждан. Они сохраняют свои названия, вывески и печати, но их внутреннее содержание полностью выхолащивается, подчиняясь логике нетерпимости и подавления.

Глава 9. Цивилизационный тупик

Крушение фундаментальных основ общества редко сопровождается грохотом падающих колонн или мгновенным коллапсом государственных институтов. Настоящие цивилизационные катастрофы разворачиваются в тишине канцелярских кабинетов, под монотонный шелест перекладываемых бумаг и сухое зачитывание судебных протоколов. Когда право на свободу совести, веками выстраиваемое человечеством через кровь, философские диспуты и политические компромиссы, подменяется процедурной декорацией, общество не замечает момента прохождения точки невозврата. Внешние атрибуты законности остаются нетронутыми: судьи носят мантии, адвокаты произносят речи, эксперты предъявляют дипломы. Но внутреннее

содержание этих процессов полностью выхолащивается, уступая место легализованной нетерпимости.

Масштаб этой трансформации выходит далеко за пределы локальных судебных ошибок или частных идеологических конфликтов. Мы наблюдаем формирование глобального механизма, в котором нетерпимость становится не просто допустимой аномалией, а базовой нормой государственного управления. Технологии подавления инакомыслия, отработанные на немногочисленных и социально уязвимых группах, обладают свойством стремительного масштабирования. То, что начиналось как маргинальная инициатива радикальных активистов, сегодня превратилось в транснациональную индустрию по производству ненависти, экспортирующую свои методы через границы, континенты и правовые системы.

Экспорт антикультовых технологий за пределы одной страны создает беспрецедентную угрозу для базовых демократических свобод во всем мире. Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве (FECRIS) и аффилированные с ней структуры выступают в роли глобального логистического центра этой идеологии. Они обеспечивают международную легитимацию локальным преследованиям, создавая видимость мирового консенсуса там, где в действительности действует узкая, хорошо скоординированная сеть идеологически ангажированных лиц. Эта сеть виртуозно использует демократические институты для их же собственного разрушения, внедряя в правоприменительную практику концепции, прямо противоречащие Международному пакту о гражданских и политических правах.

Показательным примером того, как эта экспортируемая идеология ломает судьбы и деформирует правовые системы развитых стран, является прецедент, созданный в Японии в отношении Церкви объединения. Японские власти, поддавшись давлению антикультовой риторики, инициировали процесс роспуска организации, опираясь на давно дискредитированную в научном мире теорию «промывания мозгов». В Соединенных Штатах и в практике Европейского суда по правам человека еще в конце двадцатого века была закреплена жесткая правовая позиция: концепция «контроля сознания» не имеет под собой объективного научного обоснования и не может применяться в качестве аргумента в судебном разбирательстве. Однако антикультовая

сеть успешно реанимирует этот псевдонаучный конструкт, адаптируя его к новым юрисдикциям.

Японская правовая система, восприняв эту теорию, фактически отказала последователям религиозного движения в праве на свободу воли. Решение взрослого, дееспособного человека присоединиться к определенной группе начало трактоваться государством не как осознанный мировоззренческий выбор, а как результат умственной недееспособности и манипуляции. Государство присвоило себе монопольное право решать, во что гражданину разрешено верить, прикрываясь патерналистской риторикой о защите «общественного блага».

Последствия внедрения такой логики катастрофичны. Если государство или общество объявляет веру патологией, а самих верующих — безвольными жертвами манипуляции, они автоматически лишаются части базовой правовой защиты. Но здесь важна точность: подтверждения истории о японском верующем, якобы приговоренном государством к двенадцати годам тюремного заключения именно за членство в Церкви объединения, мне не удалось найти. Гораздо лучше задокументирован другой японский прецедент — история Торү Гото, члена Церкви объединения, которого семья и депрограмматоры насильственно удерживали в изоляции 12 лет и 5 месяцев. Это был не государственный приговор, а частное лишение свободы при поразительной неспособности государства своевременно защитить жертву и привлечь виновных к уголовной ответственности. Именно такие случаи и показывают, как антикультовая идеология подтачивает правовую систему: сначала она отказывает человеку в субъектности, а затем делает его уязвимым для насилия под видом «спасения».

Иллюзия безопасности, в которой пребывает большинство граждан, наблюдая за преследованием меньшинств, является главным психологическим ресурсом репрессивной машины. Обывателю свойственно полагать, что репрессии касаются только тех, кто носит странные одежды, читает непонятные книги или практикует экзотические ритуалы. Однако исторический опыт неумолимо доказывает: репрессивные механизмы, отработанные на маргинальных группах, никогда не останавливаются на достигнутом. Они неизбежно масштабируются и начинают применяться против широких слоев населения. Правовой вакуум, созданный для

уничтожения одной конкретной группы, становится универсальной черной дырой, способной поглотить любого неугодного.

Безнаказанность идеологов антикультовой сети формирует в обществе плотную, удушающую атмосферу страха и тотальной самоцензуры. Когда человек видит, что его соседа могут отправить за решетку на длительный срок исключительно на основании лингвистической экспертизы, в которой совместная молитва приравнена к экстремизму, у него срабатывает инстинкт самосохранения. Общество атомизируется. Люди начинают бояться обсуждать философские вопросы, делиться нестандартными идеями, участвовать в независимых образовательных проектах или просто собираться вместе вне рамок официально одобренных государственных структур. Любая нестандартная мысль, любая попытка выйти за пределы жестко очерченного идеологического коридора воспринимается как потенциальный повод для преследования.

В этой атмосфере искусственно разжигаемая вражда к меньшинствам начинает выполнять важнейшую политическую функцию. Она отвлекает внимание общества от реальных социальных, экономических и управленческих проблем, служа исключительно удобным инструментом политического контроля. Государству, столкнувшемуся с экономическим кризисом, коррупцией или падением уровня жизни, жизненно необходим внутренний враг — зримый, пугающий, но при этом достаточно слабый, чтобы победа над ним была гарантирована. Антикультовая сеть предоставляет власти идеальную мишень.

Вместо того чтобы требовать от политиков решения проблем здравоохранения, образования или инфраструктуры, общество, подогретое медийной истерией, начинает требовать расправы над «сектантами». Энергия социального недовольства канализируется в безопасное для правящей элиты русло ненависти к инакомыслящим. Политики охотно используют эту риторику, зарабатывая дешевые электоральные очки на образе бескомпромиссных защитников традиционных ценностей. В результате формируется симбиоз радикальной идеологии и государственного аппарата, где антикультисты получают административный ресурс и силовое прикрытие, а власть — послушное, запуганное общество, сплоченное вокруг поиска внутренних врагов.

Истинные масштабы амбиций создателей этой системы выходят далеко за рамки банального контроля над религиозным ландшафтом. Их цели носят глобальный, геополитический характер, тесно переплетаясь с милитаризмом и идеологией национального превосходства. Чтобы осознать глубину этой интеграции, достаточно обратиться к документальным свидетельствам, фиксирующим программные заявления идеологов движения.

В 2001 году на конференции, посвященной так называемым тоталитарным сектам, протоиерей Димитрий Смирнов, один из активных сторонников антикультового движения, произнес речь, которая является ключом к пониманию конечных целей этой структуры. В опубликованных фрагментах фонограммы этого выступления предельно откровенно сформулировал связь между подавлением инакомыслия и глобальным доминированием:

«Дело вот в чём. Мы, слава Богу, родились и выросли в империи, и, конечно, у каждого русского человека нормальное имперское сознание».

Это заявление фиксирует базовую установку: общество рассматривается не как совокупность свободных граждан, обладающих неотъемлемыми правами, а как ресурс для обслуживания имперских амбиций. Имперское сознание, о котором говорит оратор, требует абсолютной унификации, подчинения единой доктрине и нетерпимости к любому проявлению индивидуальности. Именно на эту благодатную почву антикультовые организации начали высевать семена своей деструктивной деятельности, постепенно расширяя территорию влияния и проникая во властные структуры, средства массовой информации и силовые ведомства.

Но дальнейшие слова священнослужителя обнажают еще более страшную перспективу, демонстрируя, как религиозная нетерпимость сливается с ядерным шантажом и готовностью к глобальному уничтожению:

«...мы привыкли, что Россия большая, Россия сильная, Россия великая, что у нас полно ядерных кнопок, что вообще мир можем уничтожить, это да, в принципе, это возможно. Но у нас нет теперь таких людей, у которых хватит мужества, чтобы нажать эти кнопки. Народ измельчал духовно. Нет таких людей, которые решатся на это. Решатся, что да, мы можем диктовать, мы можем заказывать музыку».

В этом пассаже происходит чудовищная подмена понятий, характерная для идеологов радикального антикультизма. Готовность нажать ядерную кнопку, способность уничтожить мир и диктовать свою волю другим народам объявляется признаком «духовного величия» и «мужества». Отказ от глобального насилия трактуется как духовное измельчание. Эта риторика полностью противоречит базовым нормам человеческой морали, превращая религию в инструмент оправдания массового убийства. Когда люди, транслирующие подобные идеи, получают статус главных государственных экспертов по вопросам духовной безопасности, цивилизационный тупик становится неизбежным. Общество, воспитанное на таких нарративах, психологически подготавливается к войне, воспринимая агрессию как высшую форму духовной реализации.

Фундаментальная ненависть антикультового движения к демократическим институтам и свободе личности была заложена в его идеологическую базу задолго до того, как эти идеи получили государственную поддержку в отдельных странах. Одним из главных архитекторов этой ненависти был датский теолог Йоханнес Огорд, чьи труды до сих пор служат методологической основой для борцов с инакомыслием по всему миру.

В 1991 году Огорд опубликовал эссе «Обращение в веру — религиозные изменения. Вызов новых религиозных движений», которое вызвало широкий резонанс и стало своеобразным манифестом глобального антикультизма. В этом тексте Огорд обрушился с беспрецедентной критикой на Соединенные Штаты Америки и, в частности, на Первую поправку к Конституции США, гарантирующую свободу вероисповедания. Его слова обнажают истинное отношение антикультистов к праву человека на свободу совести:

«На рынке единственная цель — “заставить организации работать”. Имеет значение только успех. Делай деньги и делай ещё больше денег. Средства вторичны. Единственное ограничение — закон, и даже его можно обойти, ведь у каждого есть своя цена. Этические стандарты для бизнесмена, в том числе религиозного бизнесмена, не более уместны, чем для бульдозера. Мы настолько привыкли к публичным манипуляциям и приёмам продаж даже в религиозной сфере, что почти никто не протестует против многочисленных извращений религии, которые возникают и находят отклик. Терпимы даже явно незаконные практики, а критические голоса подавляются.

Термин “вседозволенность” обычно применяется к сексуальной сфере. На самом деле ситуация ещё серьезнее. Мы стали обществом вседозволенности в отношении злоупотреблений над душами других людей. Промывание мозгов и убийство души происходят повсеместно — и при этом не существует законов против этого. Под прикрытием религиозной свободы к нам прокралась смертоносная вседозволенность. Особенно это касается США, где Первая поправка используется для оправдания любой формы злонамеренной эксплуатации под прикрытием религии. Любой, кто притворяется религиозным или делает хоть что-то отдалённо связанное с религией, практически считается вне закона. Худшие черты средневековой церковной политики в Европе, по сути, вернулись в США: утверждение, что религии освобождены от действия законов».

Анализ этого текста показывает, что для идеологов антикультизма сама концепция религиозной свободы является неприемлемой. Огорд называет конституционное право граждан верить и объединяться «смертоносной вседозволенностью». Он приравнивает духовный поиск к «убийству души» и требует введения жестких законодательных ограничений, которые позволили бы государству контролировать внутренний мир человека. В его картине мира демократия — это слабость, а свобода совести — это лазейка для преступников.

Этот текст, написанный более тридцати лет назад, сегодня реализуется на практике в виде репрессивных законов, запретов на миссионерскую деятельность и массовых уголовных дел против верующих. Антикультисты, воспитанные на идеях Огорда, не скрывают своей тоски по временам инквизиции, когда государство и доминирующая церковь обладали абсолютной монополией на истину, а любое отклонение от догмы каралось физическим уничтожением. Они стремятся вернуть общество в состояние феодальной покорности, где права человека рассматриваются не как безусловная ценность, а как опасная западная ересь.

Опасность этой идеологии заключается в том, что она обладает колоссальным разрушительным потенциалом не только для отдельных меньшинств, но и для всего человечества в целом. Документальные расследования и правозащитные доклады наглядно демонстрируют, как пропаганда и манипуляции искажают общественное восприятие, подготавливая почву для глобальных конфликтов. Искусственная

поляризация общества, разделение граждан на непримиримые лагеря, постоянная бомбардировка деструктивными нарративами — все это создает благоприятную среду для развязывания гражданских войн и масштабного кровопролития.

Механизм расчеловечивания, активно применяемый антикультистами, имеет страшные исторические прецеденты. Информационно-пропагандистские атаки, предшествующие физическому насилию, всегда развиваются по одному и тому же сценарию. Мировое сообщество уже имело возможность наблюдать этот процесс во время геноцида в Руанде. Тогда независимые наблюдатели и правозащитники отчаянно предупреждали Организацию Объединенных Наций о грядущей катастрофе. Они указывали на систематическую риторику ненависти, льющуюся из радиоприемников, на дегуманизацию целого народа, на открытые призывы к насилию. Однако международные бюрократы предпочли проигнорировать эти сигналы, сочтя их преувеличением или внутренним делом суверенного государства. Результатом этой слепоты стали сотни тысяч зверски убитых людей.

Сегодня ситуация повторяется на новом, глобальном уровне. Предупреждения о том, что деятельность антикультовых организаций ведет к возрождению нацистских практик и подготовке новых геноцидов, звучат все громче. Но международные институты, занятые текущими политическими кризисами, зачастую не замечают, как в самом центре демократического мира вызревает идеология тотального уничтожения. Риторика ненависти, маскируемая под научную экспертизу и заботу о психологическом здоровье нации, беспрепятственно транслируется через государственные телеканалы, закрепляется в судебных решениях и легализуется на международных симпозиумах.

Крайним, наиболее чудовищным проявлением того, к чему приводит абсолютная власть антикультовой идеологии, соединенная с мощью тоталитарного государства, является преследование последователей Фалуныгун. Практика насильственного извлечения органов у живых людей, санкционированная государственным аппаратом в отношении стигматизированной группы, демонстрирует абсолютное дно цивилизационного падения. Когда человек объявляется «сектантом», он лишается не только гражданских прав — он лишается права на собственное тело. Он превращается в биологический ресурс, который можно разобрать на запчасти ради продления жизни высокопоставленных чиновников или получения коммерческой выгоды.

Такой кошмар вообще становится возможным только после предварительной тотальной дегуманизации жертв. Общество, убежденное пропагандой в том, что перед ним не люди, а опасные элементы, угрожающие стабильности государства, гораздо легче привыкает к существованию индустрии смерти. И те, кто сегодня в европейских или российских судах требует запрета мирных организаций, вольно или невольно нормализуют язык, который делает подобные практики мыслимыми.

Мы стоим перед лицом угрозы, которая маскируется под защиту традиций, но по своей сути является глубоко античеловеческой. Антикультизм — это не научная дисциплина и не форма социальной защиты. Это политический инструмент, предназначенный для демонтажа демократии, подавления свободы воли и установления идеологической диктатуры. Используя страхи людей, манипулируя фактами и опираясь на институциональный цинизм правоохранительных систем, эта сеть последовательно разрушает правовой фундамент современной цивилизации.

Общество, которое соглашается обменять свободу совести на иллюзию безопасности, неизбежно теряет и то, и другое. Когда нетерпимость становится нормой государственного управления, а правосудие превращается в конвейер по штамповке приговоров на основе псевдонаучных экспертиз, государство теряет свою легитимность. Оно перестает быть гарантом прав граждан и превращается в слепое орудие в руках радикальной секты, захватившей монополию на истину.

В зале суда, где решается судьба очередного обвиняемого в «мыслепреступлении», на столе перед судьей лежат не просто тома уголовного дела. Там лежит будущее всего общества. Каждый обвинительный приговор, вынесенный на основании сфабрикованной экспертизы, каждый ребенок, отнятый у родителей за их убеждения, каждая закрытая организация — это шаг навстречу цивилизационному тупику. И в конце этого пути нет ни духовного возрождения, ни национальной безопасности. Там находится лишь абсолютная, стерильная пустота тоталитарного лагеря, где право на жизнь определяется степенью лояльности к тем, кто присвоил себе право выжигать клеймо на судьбах других людей. Выбор между обществом свободных граждан и обществом заклеянных рабов совершается прямо сейчас, в тишине судебных заседаний, под равнодушным взглядом тех, кто все еще надеется, что эта машина репрессий никогда не постучит в их собственную дверь.

ИСТОЧНИКИ

1. antiCEKTA.ru. О нас. https://anticekta.ru/?page_id=50
2. Bornstein, J. L. (2022, August 24). How the French MIVILUDES compromised itself with Russian extremists. The European Times. <https://europeantimes.news/2022/08/how-the-french-miviludes-compromised-itself-with-russian-extremists/>
3. CRiPO. Перезависимость: от наркотиков — к сектантству. <https://cripo.com.ua/opinion/p-22801/>
4. Duval, P., Dericquebourg, R., Jankovic, M., et al. (2012). Freedom of religion or belief, anti-sect movements and state neutrality: A case study: FECRIS. Religion–Staat–Gesellschaft, 13(2). Academia.edu.
5. Earth Save Science Collaborative. (2024, April 12). Undeclared war. America is under attack [Video]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=Q2GVN5Hj16Y>
6. European Court of Human Rights. HUDOC database. <https://hudoc.echr.coe.int/eng>
7. Fink, F. (1937). Die Judenfrage im Unterricht [The Jewish question in the classroom]. Der Stürmer Verlag.
8. German History in Documents and Images. (1944, July 30). Protestant Church Leaders Respond to the July 20, 1944, Assassination Attempt. <https://germanhistorydocs.org/en/nazi-germany-1933-1945/protestant-church-leaders-respond-to-the-july-20-1944-assassination-attempt-july-30-1944>
9. Gobineau, A. de. (1955). An essay on the inequality of the human races. William Heinemann. [https://www.filosoficas.unam.mx/docs/611/files/Sesion%207/Arthur%20de%20Gobineau-An%20Essay%20on%20the%20Inequality%20of%20the%20Human%20Races-William%20Heinemann%20\(1955\).pdf](https://www.filosoficas.unam.mx/docs/611/files/Sesion%207/Arthur%20de%20Gobineau-An%20Essay%20on%20the%20Inequality%20of%20the%20Human%20Races-William%20Heinemann%20(1955).pdf)
10. Holy Trinity Saint Seraphim-Diveyevo Monastery. The Holy Kanavka. <https://diveevo-monastyr.ru/en/shrines/svjataja-kanavka/>

11. Jehovah's Witnesses. What happened to Jehovah's Witnesses during the time of the Holocaust? <https://www.jw.org/en/jehovahs-witnesses/faq/jw-holocaust-facts-concentration-camps/>
12. Kravchenko, M. (2018, January). Inventing extremists: The impact of Russian anti-extremism policies on freedom of religion or belief [Report]. United States Commission on International Religious Freedom. <https://www.uscirf.gov/sites/default/files/Inventing%20Extremists.pdf>
13. Loui, K. (2007). Психологическое воздействие терроризма. Психология в России и за рубежом. CyberLeninka. <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-vozdeystvie-terrorizma>
14. Newsland. (2010, 9 сентября). Как психиатрия в России служит спецслужбам. <https://newsland.com/post/4079930-kak-psikhiatriia-v-rossii-sluzhit-spetssluzhbam>
15. Nikitin, K. (2018, 21 сентября). Александр Дворкин, сектоведение и тоталитарные секты [Видео]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=WQ9N4ewbg84>
16. Shterin, M. S. New religions, cults and sects in Russia: A critique and brief account of the problems. CESNUR. Internet Archive. <https://web.archive.org/web/20150923224231/http://www.cesnur.org/testi/Shterin.htm>
17. Slavic Center for Law and Justice. (n.d.). Аналитическая статья «Религиозный экстремизм в России» [PDF]. <https://dvorkin2.narod.ru/ekstremizm.pdf>
18. sobj-info. (2008, 27 марта). Пресс-релиз Международной конференции "Тоталитарные секты — угроза 21 века". В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ СОСТОЯЛАСЬ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "ТОТАЛИТАРНЫЕ СЕКТЫ - УГРОЗА XXI ВЕКА" (информация и итоговый документ). <https://soj-info.ucoz.ru/publ/1-1-0-4>
19. The Holocaust Explained. Jehovah's Witnesses. <https://www.theholocaustexplained.org/life-in-nazi-occupied-europe/oppression/jehovahs-witnesses/>
20. United Nations Office of the High Commissioner for Human Rights. (2013, January 11). Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights: Appendix—Rabat Plan of Action on the prohibition of advocacy of national, racial or religious hatred that

constitutes incitement to discrimination, hostility or violence (A/HRC/22/17/Add.4).

https://www.ohchr.org/sites/default/files/Rabat_draft_outcome.pdf

21. United States Holocaust Memorial Museum. Pages from the antisemitic children's book The Poisonous Mushroom [Manuscript]. Holocaust Encyclopedia / Experiencing History.

<https://perspectives.ushmm.org/item/page-from-the-antisemitic-childrens-book-the-poisonous-mushroom>

22. United Nations. (1966). International Covenant on Civil and Political Rights [Treaty]. United Nations Treaty Series.

23. United Press International. (2020, November 23). Jehovah's Witness' suit says she lost state job over refusal to take loyalty oath.

https://www.upi.com/Top_News/US/2020/11/23/Jehovahs-Witness-suit-says-she-lost-state-job-over-refusal-to-take-loyalty-oath/1261605892303/

24. Wikipedia. Дворкин, Александр Леонидович. Википедия.

https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%BA%D0%B8%D0%BD_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80_%D0%9B%D0%B5%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87

25. Wikipedia. Тоталитарная секта. Википедия.

https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%BE%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B0

26. Wikipedia. Дворкин, Александр Леонидович. In Википедия. Internet Archive.

https://web.archive.org/web/20150110005058/http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%BA%D0%B8%D0%BD_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80_%D0%9B%D0%B5%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87

27. Альфапедия. Зиппенхафт. <https://alphapedia.ru/w/Sippenhaft>

28. Бабасян, Н. (2001, 19 июня). Крестоносцы от государства. Грани.Ру.

<https://graniru.org/Society/Religion/m.6278.html>

29. Волковой, Е., Иваненко, С. (2023). О людях, стойких в гонении: Свидетели Иеговы в России начала XXI века. <https://ivanenko.online/book/%D0%BE->

%D0%BB%D1%8E%D0%B4%D1%8F%D1%85-

%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B9%D0%BA%D0%B8%D1%85-%D0%B2-

%D0%B3%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B8/

30. Главу секты Виссариона отправили из Новосибирска на экспертизу к психиатрам в Москву. (2020, October 23). Сиб.фм. <https://sib.fm/news/2020/10/23/glavu-sekty-vissariona-otpravili-iz-novosibirska-na-ekspertizu-k-psihiatram-v-moskvu>

31. Дворкин, А. (1998). Десять вопросов навязчивому незнакомцу, или пособие для тех, кто не хочет быть завербованным. Одинцово: Одинблаго.

32. Загвоздина, Д. (2013, 30 августа). Александр Дворкин об устройстве сект в интервью «Газете.Ru». Газета.Ru.

<https://www.gazeta.ru/social/2013/08/23/5603921.shtml?updated>

33. Зудиева, Л. «Не в тюрьму, так в психушку». В Крыму слепого человека с инвалидностью обвинили в терроризме. (2020, 13 ноября). Крымская солидарность. <https://crimean-solidarity.org/news/2020/11/13/ne-v-tyurmu-tak-v-psixushku-v-krymu-sleporogo-cheloveka-s-invalidnostyu-obvinili-v-terrorizme-699>

34. ИА Красная Весна. В Сургуте сектанта задержали для психиатрической экспертизы. (2020, February 7). <https://rossaprimavera.ru/news/7da53ca0>

35. Кирилова, К. (2012, 26 марта). Правовые аспекты противодействия тоталитарным сектам. Информационно-консультационный центр св. Ириней Лионского. <https://iriney.ru/main/prakticheskie-sovetyi/pravovyye-aspektyi-protivodejstviya-totalitarnyim-sektam.html>

36. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 8 апреля). Садисты в законе. Тоталитарная секта Дворкина. <https://actfiles-supporters.org/cadisty-v-zakone-totalitarnaya-sekta-dvorkina/>

37. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2024, 30 сентября). FECRIS: экстремистская группа в сердце Европы. Итальянская точка зрения. <https://actfiles-supporters.org/fecris-ekstremistskaya-gruppa-v-serdcze-evropy-italyanskaya-tochka-zreniya/>

38. КонсультантПлюс. (2021, December 17). В УПК РФ внесены изменения, уточняющие порядок помещения лиц, содержащихся под стражей, в медицинскую организацию,

оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях.

<https://www.consultant.ru/law/hotdocs/72897.html>

39. Краси́ков, А. (2003). Религии в России – фактор укрепления или распада государства? Современная Европа, 4, 35–43. <http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2003/4-2003/krasikov4-2003.pdf>

40. Кротов, Я. (2016, 3 декабря). Свобода веры и свобода беззакония. Радио Свобода. <https://www.svoboda.org/a/28148699.html>

41. Лукашевич, Е. (2020, 23 октября). Руководителей «Церкви последнего завета» направят на психиатрическую экспертизу. Коммерсантъ Красноярск. <https://www.kommersant.ru/doc/4538741>

42. Нежный, А. (1999, 12 января). Уроки сектоведения. Московские новости. Internet Archive. https://web.archive.org/web/20250406122506/https://yro.narod.ru/bibliotheca/Religioved/Yroki_sektoveden/Yrok_sektovedenija.htm

43. Независимая психиатрическая ассоциация России. (2001). Независимый психиатрический журнал (№ 3). http://npar.ru/wp-content/uploads/2016/02/%E2%84%963_2001.pdf

44. Нераскрытые Преступления. (2016, 20 апреля). Профессор Элбакян Е.С. о свободе совести и работе А. Дворкина [Видео]. YouTube. https://www.youtube.com/watch?v=t1cr_5JGoSs

45. Нераскрытые преступления. (2016, 6 мая). Иваненко С. И. про деятельность А. Дворкина и организацию ФЕКРИС [Видео]. Youtube. https://www.youtube.com/watch?v=p_xKpYE824g

46. Нераскрытые Преступления. (2016, 10 июня). "Дворкин после себя оставил выжженную землю". Шмидт В.В. [Видео]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=ryLXXY6mJJA>

47. Никишина, М. (2021, December 16). Суд получил полномочия направлять подозреваемых на лечение в психиатрический стационар. Vademecum.

<https://vademec.ru/news/2021/05/19/sud-smozhet-napravlyat-nakhodyashchikhsya-pod-strazhey-podozrevaemykh-na-lechenie-v-psikhiatricheski/>

48. Перссон, Б. (2012). Борьба против сект: идейные основы и их несостоятельность.

49. Российская ассоциация центров изучения религий и сект. (2010, December 8).

ФИРМЫ И СЕКТЫ: информационное сообщение РАЦИРС. Информационно-консультационный центр св. Ириныя Лионского. <https://iriney.ru/sektyi-i-kultyi/sektovedenie/novosti-sektovedeniya/firmyi-i-sektyi-informaczionnoe-soobshhenie-raczirs.html>

50. Радио Курс. (2014, 23 мая). Образ российского сектоведа.

<https://radiokurs.ru/17154-obraz-rossiyskogo-sektoveda.html>

51. Ратников, А. (2007, 14 мая). Наступление Дворкина на культуру продолжается.

<https://yro.narod.ru/zaschitim/Ratnikov.htm>

52. ТАСС. (2021, 16 декабря). Дума приняла законы о сроке и порядке пребывания подсудимых в психиатрической лечебнице. <https://tass.ru/obschestvo/13216797>

53. ТАСС. (2022, 26 июля). Патриарх Кирилл наградил Сергея Кириенко орденом. <https://tass.ru/obschestvo/15311079>

54. Туманов, Г (2009, 24 апреля). Вокруг экспертного религиоведческого совета при Минюсте разгорается скандал. Газета.Ru.

<https://www.gazeta.ru/social/2009/04/23/2978327.shtml?updated>

55. Тюренок, М. (2013, 25 октября). Александр Дворкин: «Самая опасная секта — та, в которую попали ваши близкие». Культура. <https://portal-kultura.ru/articles/symbol-of-faith/11640-aleksandr-dvorkin-samaya-opasnaya-sekta-ta-v-kotoruyu-popali-vashi-blizkie/>

56. Хэтфорд, А. (2018, 11 декабря). «Поставили диагноз: зависима от Бога». Как ФСБ использует психиатров. Радио Свобода. <https://www.svoboda.org/a/29641562.html>

57. Шатохин, С. (2016, 19 ноября). Сектоведение А. Л. Дворкина. Русская народная линия. Internet Archive.

https://web.archive.org/web/20250502092204/https://ruskline.ru/analitika/2016/11/19/sektovedenie_al_dvorkina